История волков

Автор:
Эмили Фридлунд

История волков

Эмили Фридлунд

Начальная глава этого романа принесла автору литературную премию и открыла миру новый талант большого масштаба – Эмили Фридлунд. Линда – одиночка, живущая с родителями в бывшей коммуне в глубоких лесах Миннесоты. Она одна ходит в школу и ни с кем не дружит. Ее одиночество внезапно прерывается, когда в школе появляется новый учитель истории, а в соседний коттедж заезжает странная семья с маленьким ребенком Полом. Новые знакомства окунут Линду в сложный и запутанный мир взрослых, где один неверный выбор может стоить жизни. «История волков» – именно такая книга, которую надо читать зимой под одеялом: от нее мороз по коже.

Эмили Фридлунд

История волков

Emily Fridlund

History of wolves

Copyright © 2017 by Emily Fridlund

© О. Алякринский, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Нику

Осознайте хотя бы на миг, что Жизнь и Разум имеют сугубо духовную сущность, – но никоим образом не материальную, – и тогда тело перестанет жаловаться.

Мэри Бейкер Эдди[1 - Мэри Бейкер Эдди (1821–1910) – американская писательница, общественный и религиозный деятель, в 1875 г. основала религиозное движение «Христианская наука».], «Наука и здоровье, с ключом к Священному Писанию».

В конечном счете я не умру, не теперь, но буду в реальности продолжать головокружительно жить и после смерти, прислушиваясь вполуха к реальности, в комнате, где витает аромат огня, зажженного нашей неугасимой волей.

Тимоти Доннелли[2 - Тимоти Доннелли (род. в 1969 г.) – американский поэт и публицист.], «Новый разум».

Наука

1

Нельзя сказать, что я никогда не думаю о Поле. Временами он является мне перед тем, как я полностью проснусь, хотя я почти никогда не запоминаю, ни что он мне сказал, ни что я ему сказала – или не сказала. Просто мне чудится,

что малыш ни с того ни с сего вдруг падает ко мне на колени – бух! И только так я понимаю, что это Пол: для него я не интересна, а привычна. В самый обычный день мы сидим с ним в Природоохранном центре, и малыш непроизвольно придвигается ко мне – не из любви или уважения, а просто потому, что ему еще неведом этикет признания границы между своим телом и чужим. Ему четыре годика, и он поглощен головоломкой-пазлом «Сложи сову» – так что не отвлекайте его разговорами! Я и не отвлекаю. За окном кружится вихрь тополиного пуха, бесшумный и невесомый, как воздух. Солнце уже заваливается к горизонту. А из фрагментов пазла складывается сова, которая опять рассыпается на картонные осколки, и я тычу Пола в бок: мол, вставай, нам пора идти. Пора! Но за секунду до того, как мы поднимемся, до того, как захныкать, протестуя и прося посидеть здесь еще немножко, он откинется мне на грудь и зевнет. У меня перехватывает дыхание. Потому что это так странно, понимаете? Так удивительно, хотя и печально, – сделать приятное открытие, что твое тело воспринимают как нечто привычное, близкое.

* * *

До Пола у меня был только еще один знакомый, который жил-жил и вдруг умер. Это мистер Эдлер, мой учитель истории в восьмом классе. Он носил коричневые вельветовые костюмы и белые теннисные туфли. Хотя мистер Эдлер вел у нас историю Америки, он любил рассказывать о царях. Как-то он показал нам фотку последнего российского императора – так я теперь его себе и представляю: с черной бородой[3 - Черная борода была у Александра III, а не у Николая II. – Здесь и далее прим. переводчика.], на плечах эполеты с кисточками, – хотя на самом деле мистер Эдлер всегда был чисто выбрит и вовсе не величав. У меня как раз был английский, а он вел четвертый урок, и его ученик вбежал к нам в класс с воплем, что мистер Эдлер упал. Мы помчались толпой по коридору и увидели, что он лежит лицом вниз, глаза закрыты, губы синие, зубы вцепились в ковровое покрытие.

– Он что, эпилептик? – спросил кто-то. – А таблетки у него есть?

Мы оцепенели. Бойскауты начали спорить, как ему правильно сделать искусственное дыхание, пока одаренные и талантливые ученики истерическим шепотом обсуждали симптомы его болезни. Я заставила себя приблизиться к мистеру Эдлеру, села перед ним на корточки и взяла в свою ладонь его сухую безжизненную руку. Было начало ноября. На коврике темным пятном растеклась

его слюна, он шумно, с длинными паузами, вдыхал воздух, и я помню, что откуда-то издалека тянуло дымом костра. Где-то жгли мусор в больших пластиковых мешках – наверное, дворник избавлялся от листьев и тыквенных корок перед первым большим снегопадом.

Когда санитары «Скорой помощи» наконец погрузили мистера Эдлера на носилки, бойскауты, словно стая щенков, увязались за ними в надежде получить какое-нибудь поручение. Они порывались то дверь распахнуть, то помочь с переноской тяжелых носилок. В коридоре кучковались всхлипывающие девчонки. Некоторые учителя застыли, прижав ладони к груди, не зная, что сказать или сделать.

– Это песня «Дорз»? – поинтересовался один из санитаров. Он остался раздать пакетики соленых пастилок ученицам, которым могло стать дурно. Я пожала плечами. Наверное, слишком громко напевала себе под нос. Санитар налил мне газировки в оранжевую чашку и участливо добавил: – Пей медленно. Небольшими глотками. – Словно именно меня он и приехал спасать, как будто его долгом было обезопасить от обморока любое живое существо, попавшееся ему на пути.

«Судаковая столица мира» – так мы тогда назывались. Об этом свидетельствовали дорожный указатель на десятом шоссе и фреска во всю стену в придорожной закусочной, изображающая трех исполинских судаков[4 - Судак – официальный символ штата Миннесота.] с задорно торчащими спинными плавниками. Эти красавцы круглый год приветствовали приезжих: плавники, как пятерни, радушно растопырены, брови домиком, зубастые улыбки от жабр до жабр, – но, когда большие озера замерзали в ноябре, никого сюда было не заманить ни порыбачить, ни для чего другого. В те далекие дни тут еще не было курортного отеля – только задрипанный мотелишко. Ну, и наш деловой центр: закусочная, скобяная лавка, магазин «Все для рыбалки», банк. В те годы самой впечатляющей постройкой в Лус-Ривере, я думаю, была старая лесопилка, да и то потому как она наполовину сгорела, и обугленные черные лесины торчали над берегом. А все, так сказать, официальные заведения вроде больницы, управления регистрации автотранспортных средств, «Бургер-Кинг» и полицейский участок находились в двадцати милях дальше по шоссе – в Уайтвуде.

В тот день «Скорая» из Уайтвуда вместе с мистером Эдлером, выезжая со школьной стоянки, включила сирену. Мы все – даже наши хоккеисты в своих желтых шлемах, даже чирлидерши со своими мохнатыми помпонами – прижались к окнам и глазели. А тут как раз густо повалил снег. Когда фургон «Скорой» завернул за угол, его фары беспорядочно прорезали густую завесу снежинок, вихрем взметнувшихся над дорогой.

– Разве они не должны ехать с сиреной, – спросил кто-то, и я, аккуратно отпивая последний глоточек газировки из вощеного стаканчика, подумала: ну как можно быть таким дураком!

Мистера Эдлера заменил мистер Грирсон – он прибыл в нашу школу за месяц до Рождества. У него был темный-претемный загар – как будто он попал в наши места с другой планеты. Еще он носил в ухе золотую серьгу в виде кольца и ослепительно-белую рубашку с перламутровыми пуговками. Потом мы выяснили, что он приехал из Калифорнии, где работал учителем в частной школе для девочек на побережье. Никто не знал, какого черта его занесло в Северную Миннесоту посреди зимы, но после первой недели занятий он снял со стены развешанные мистером Эдлером карты Российской империи и повесил вместо них увеличенную копию американской Конституции. Он сообщил нам, что в колледже защитил аж два диплома по театральному искусству, что объясняло, почему он однажды встал перед классом, выбросив вперед обе руки, и продекламировал наизусть всю Декларацию независимости от начала до конца. Не только вдохновляющие строки про жизнь, свободу и стремление к счастью, но еще и издевательским тоном огласил весь мрачный список прегрешений тирании против колоний. Я сразу его раскусила: он прямо из кожи вон лез, чтобы понравиться ученикам.

– И что это значит? – спросил мистер Грирсон, дойдя до финальных строк, в которых говорилось о взаимном обете и незапятнанной чести.

Хоккеисты мирно дремали, подложив ладони под щеки. Даже наших одаренных и талантливых эти строки никоим образом не тронули: они сидели и щелкали автоматическими карандашами, из которых непристойно вылезали удлинявшиеся грифели – как иглы больничных шприцев. Ими они сражались друг с дружкой, точно на саблях, через проход между партами. «En garde!»[5 - К бою! (франц.)] – надменно шептали они.

Мистер Грирсон уселся на стол мистера Эдлера. Он запыхался после своей декламации – и тут я увидела, точно его вдруг осветила яркая-яркая вспышка огня, – что ему-то уже хорошо за сорок. Я заметила испарину на его лице и быстро-быстро пульсирующую вену на шее под щетиной.

– Народ… Ребята… Как это понимать, что права человека самоочевидны? Ну давайте! Вы же знаете!

Я заметила, как его взгляд остановился на Лили Холберн: у нее были блестящие черные волосы, и, несмотря на холодрыгу, надет на ней был только тоненький розовый свитерок. Всем своим видом новый учитель словно бы говорил: надеюсь, твоя красота спасет меня, и, потому что ты самая красивая среди всех учениц, ты будешь добра ко мне! У Лили были большие карие глаза, дислексия, бойфренд и не было карандаша. Под взглядом мистера Грирсона ее лицо медленно запунцовело.

Лили заморгала. Мистер Грирсон кивнул ободряюще, как бы намекая на то, что его обрадует любой ответ. Она, словно олененок, шумно облизала губы.

Не знаю, зачем я подняла руку. Не то чтобы я уж так сильно за нее переживала. Или за него. Просто напряжение стало вдруг совсем невыносимым, совершенно не соответствующим ситуации.

– Это значит, что на свете есть вещи, которые не требуют доказательств, – предположила я. – Есть просто самоочевидные вещи. И их не изменить.

– Правильно! – воскликнул он с благодарностью, но не лично мне, а словно счастливому случаю. Это я умела. Давать людям то, что им нужно, причем сами они даже не подозревали о моем участии. А Лили, не говоря ни слова, могла вселить в людей надежду, заставить их почувствовать себя обласканными судьбой. У нее на щеках были веснушки, а соски сияли сквозь тонкий свитерок, как знамение Божье. А я была плоскогрудая – просто как обструганная доска. Я могла заставить людей ощутить себя заслуживающими порицания.

В тот год зима нагрянула внезапно. Она свалилась, точно выбившись из сил – да так и осталась. В середине декабря выпало так много снега, что крыша спортзала прогнулась, и занятия в школе отменили на неделю. Делать нечего – хоккеисты занялись подледным ловом. А бойскауты играли в хоккей на прудах.

Потом наступило Рождество, с его гирляндами разноцветных огней, развешанными по всей Мейн-стрит, и рождественскими вертепами в лютеранской и католической церквях, которые каждый год старались переплюнуть друг друга в красоте: в одном разукрашенные мешки с песком изображали овец, а в другом младенец Иисус был вырезан из ледяной глыбы. Под Новый год разразилась очередная снежная буря. Когда в январе возобновились занятия в школе, белоснежные накрахмаленные рубашки на мистере Грирсоне сменились неописуемыми вязаными свитерами, а в его ухе вместо золотого кольца появился стад. Кто-то, должно быть, научил его пользоваться сканером, потому что после недельного курса лекций о Льюисе и Кларке[6 - Уильям Льюис (1774–1809) и Мериуэзер Кларк (1770–1838) – американские путешественники, прославившиеся первой экспедицией к тихоокеанскому побережью в 1804–1806 гг.] он устроил нам первую контрольную по истории. Пока мы, склонившись за партами, заполняли крестиками крошечные кружочки, он расхаживал взад-вперед между рядами и щелкал кнопкой шариковой ручки.

На следующий день мистер Грирсон попросил меня остаться в классе после уроков. Он сидел за своим столом и теребил губы, которые под его пальцами трескались и шелушились.

– Ты неважно написала контрольную, – сообщил он.

Он ждал моих объяснений, и я подняла плечи, заняв оборонительную позицию. Но прежде чем я успела что-то сказать, он меня опередил:

– Послушай, мне правда жаль. – Он покрутил стад в ухе – осторожно, с усилием. – Я все еще отшлифовываю планы своих уроков. Что вы изучали перед моим переводом сюда?

– Россию.

– А! – Его скорбный взгляд тут же сменился довольной гримасой: – Канонада «холодной войны» все еще слышна в далекой провинции!

Я стала защищать мистера Эдлера:

– Мы обсуждали не Советский Союз, а царей.

– Ох, Мэтти…

Никто еще меня так не называл! Было такое ощущение, словно кто-то схватил меня сзади за плечо. Вообще мое имя Мэделин, но в школе все меня называли Линда, или Коммуняка, или Чудачка. Я спрятала пальцы в рукавах и сжала кулаки. А мистер Грирсон продолжал:

– Никому не было дела до русских царей, пока не появился Сталин и атомная бомба. Они были марионетками на далекой сцене, ничем не примечательные, ничего не значащие… А потом такие вот мистеры Эдлеры наводнили в шестьдесят первом году колледжи, и все начали ностальгировать по старым русским игрушкам, всем этим княжнам из далекого прошлого, рожденным в кровосмесительных союзах. Их никчемность и беспомощность стали вызывать интерес. Понимаешь? – Потом он улыбнулся и чуть прищурил глаза. Передние зубы у него были белоснежные, а клыки – желтые. – Но тебе всего тринадцать…

– Четырнадцать!

– Я просто хотел извиниться, если у нас сначала все как-то не заладилось. Скоро у наших отношений появится надежная опора.

На следующей неделе он попросил меня заглянуть к нему в кабинет после школы. На этот раз он вынул стад из уха и положил на стол. Он нежно поглаживал мочку двумя пальцами.

– Мэтти, – проговорил он, выпрямившись на стуле.

Он усадил меня на синий пластиковый стул рядом со своим столом. Потом водрузил стопку глянцевых брошюрок мне на колени и сложил пальцы домиком.

– Окажи мне одну услугу. Но не осуждай меня за то, что я обращаюсь к тебе с такой просьбой. Это моя работа. – Мистер Грирсон смущенно заерзал.

Вот тогда-то он и попросил меня представлять школу на олимпиаде по истории.

– Это будет просто чудесно! – с неубедительным воодушевлением воскликнул он. – Тебе надо сделать плакат. Подготовить речь про призывников во время Вьетнамской войны, про бегство дезертиров через границу в Канаду и тэ дэ и тэ пэ. А может, ты хочешь сделать доклад про осквернение святынь индейцев оджибве? Или про новые сельские поселения в этих краях? Про что-то местное, этически неоднозначное, затрагивающее конституционные основы?

– Я хочу изучать волков, – сообщила я.

– Что именно – историю волков? – Он был озадачен. Потом помотал головой и усмехнулся: – Ну, ясно. Ты же четырнадцатилетняя девочка. – Кожа вокруг его глаз собралась в морщинки. – У вас у всех пунктик по поводу лошадей и волков. Мне это нравится. Нравится! Это так необычно! Но с чем это связано?

Машины у моих родителей не было, и вот как я обычно добиралась домой, когда опаздывала на свой автобус. Я топала три мили по изъезженной обочине шоссе номер десять, а потом сворачивала вправо на Стилл-Лейк-роуд. Еще через милю дорога раздваивалась: левая грунтовка бежала вдоль озера на север, а правая тянулась по целине вверх по склону холма. Тут я останавливалась, засовывала джинсы в носки и расправляла отвороты своих вязаных рукавиц. Зимой деревья на фоне оранжевого неба казались набухшими венами. А небо между ветвями выглядело как обожженная солнцем кожа. Двадцать минут ходьбы по снегу и зарослям сумаха – и вот уже меня заслышали псы и начали брехать и рваться с привязи.

В тот вечер домой я вернулась затемно. Отворив дверь хижины, увидела мать: она склонилась над раковиной, погрузив руки по локоть в чернильно-мутную воду. Длинные прямые волосы скрывали ее лицо и шею, отчего казалось, будто она чего-то стыдится. Но голос у нее был обычный – с характерными для среднезападного говора протяжными гласными, под стать канзасским бескрайним степям.

– А есть молитва против засора раковин? – спросила она, не оборачиваясь.

Я положила мокрые рукавицы на дровяную плиту – к утру они там так скукожатся и задеревенеют, что на руку не налезут. Куртку я, правда, не стала

снимать. В доме было холодно.

Мама тяжело опустилась на стул. Ее полотняная куртка вся вымокла в воде из раковины. Она подняла жирные от грязной воды руки вверх – точно они представляли собой нечто ценное, что-то извивающееся, еще живое, что она вытащила из пруда. Что-то, чем она могла бы нас накормить – ну, скажем, вроде пары окуньков.

– Нужно прочистить трубы! Дерьмо какое… – Она взглянула на потолок, потом медленно обтерла ладони о карманы куртки. – Спаси и помилуй! О Боже, даруй свою бесконечную печаль за этот жалкий фарс, называемый жизнью человеческой…

Она шутила, но в ее шутке была только доля шутки. Я это знала. Знала по рассказам о том, как в начале восьмидесятых мои родители приехали в угнанном фургоне в Лус-Ривер, как мой отец насобирал целый арсенал оружия и травы и как, когда их коммуна распалась, моя мать променяла остатки своей фанатичной веры в идеи хиппи на веру в Христа. Сколько я себя помню, она трижды в неделю ходила в церковь – по средам, субботам и воскресеньям, – потому что лелеяла надежду на действенность раскаяния и на то, что прошлое – хотя бы отчасти – можно изменить, медленно, с годами.

Моя мать верила в Бога, но как-то обиженно, точно дочь, наказанная за плохое поведение.

– Может, возьмешь собаку с собой и вернешься?

– Вернуться в город? – Я все еще дрожала от холода. Слова мамы меня на секунду разъярили, заставили обо всем забыть. Я не ощущала онемевших пальцев.

– О нет! – Она откинула длинные пряди волос назад и потерла запястьем кончик носа. – Нет, не надо! Там, наверное, мороз. Извини. Схожу принесу еще ведро. – Но мама как сидела на стуле, так и не двинулась с места. Чего-то ждала. – Извини, что спросила. Ты же не можешь на меня злиться только оттого, что я спросила. – Она сомкнула жирные ладони. – Извини! Извини! Извини!

С каждым «извини» ее голос поднимался на полтона выше.

Я выждала секунду и наконец произнесла:

– Да ничего.

Вот что нужно знать о мистере Грирсоне. Я видела, как он склонился над партой Лили. Слышала, как он сказал ей: «У тебя неплохо получается». И положил руку – осторожно, точно пресс-папье, – ей на спину. И как он приподнял кончики пальцев и слегка похлопал. Я видела, какие любопытство и ужас вызывали у него сестры Карен, наши чирлидерши, которые иногда стягивали шерстяные гетры, обнажая голени – побелевшие и покрытые гусиной кожей от мороза. От этих гетр у них зудела кожа, они чесались до крови, и ранки приходилось смазывать влажными тампонами из туалетной бумаги. Я видела, как он задавал каждый вопрос как бы всем в классе, а сам поглядывал то на сестер Карен, то на Лили Холберн и приговаривал: «Есть кто дома?» Потом, растопырив два пальца, подносил их, как телефонную трубку, к уху и, понизив голос, урчал: «Алло, это дом Холбернов? Лили дома?» Вспыхнув, Лили улыбалась плотно сжатыми губами и прятала улыбку в рукав.

Когда мы встретились после уроков, мистер Грирсон покачал головой:

– Глупо получилось с этим телефоном, да? – Он был смущен. Ему требовалось подтверждение, что все нормально, что он – хороший учитель. Ему хотелось получить прощение за все допущенные им ляпы, и, похоже, он думал – ведь я имела привычку стоять, скрестив руки на груди, и писала контрольные так себе, – что моя посредственная успеваемость наигранная и в ней проявляется моя личная неприязнь к нему.

– Возьми! – неуверенно произнес он, пододвигая ко мне узкую синюю баночку с энергетическим напитком. Я отпила несколько глотков – напиток был сладкий и до того насыщенный кофеином, что мое сердце почти сразу бешено забилось. После нескольких глотков меня уже буквально трясло. Мне пришлось крепко сжать зубы, чтобы они не застучали.

– А мистер Эдлер показывал вам на уроках фильмы? – поинтересовался он.

Сама не знаю, чего я ввязалась в эту игру. И не понимаю, зачем я ему решила потрафить.

– Вы показываете куда больше фильмов, чем он!

Он довольно улыбнулся.

– А как продвигается твой проект?

Я не ответила. Вместо этого я еще глотнула его энергетика – без спросу. Мне хотелось дать ему понять, что я вижу, как он глазеет на Лили Холберн, и что я понимаю его взгляд куда лучше, чем она, и что хотя он мне совсем не нравится, – и хотя, по-моему, его шуточка с телефоном глупая, а его серьга в ухе дурацкая, – я его прекрасно понимаю. Но банка уже опустела. Мне пришлось приложить губы к металлическому ободку и притвориться, будто я пью. За окном снежная глазурь покрывала каждый сугроб, превратив весь пейзаж в заледеневшую декорацию. Меньше чем через час стемнеет. Псы будут лениво ходить по краю своих владений, позвякивая цепями, и ждать меня. Мистер Грирсон надел куртку.

– Пойдем?

Он ни разу – вот совсем – не поинтересовался, как я добираюсь до дому.

Мистер Грирсон – и мы оба это знали – считал олимпиаду по истории повинностью. Втайне я мечтала победить. И еще я была решительно настроена увидеть волка. Ночами я выскальзывала из дома, надев унты, лыжную маску, отцовский пуховик, который все еще хранил его запахи – табак, плесень и горький кофе. Это было все равно что влезть в его тело, пока он спит, – как воспользоваться правом на его присутствие, молчаливость и внушительные габариты. Я садилась на старом ведре около дальнего рыбохранилища и потягивала горячую воду из термоса. Но это большая редкость – в самый разгар зимы увидеть в здешних местах волка – все, что я отсюда могла увидеть, так это штабеля бревен вдалеке да кружащих над ними ворон. В конце концов пришлось мне смириться с мертвым волком. По субботам я надевала снегоступы и отправлялась в Природоохранный центр лесничества, где в вестибюле изучала чучело волчицы – у нее были стеклянные глаза и кораллового цвета когти, а

впалые черные щеки разъехались в подобии улыбки. Пег, тамошняя сотрудница, очень осерчала, заметив, как я собралась потрогать волчий хвост.

– Ай-яй-яй! – укоризненно произнесла она. Пег дала мне горсть мармеладных мишек и рассказала о технике таксидермии, объяснив, как из глины вылепить глазницы, а из полиуретановой пены – мышцы животного. – А кожу надо разглаживать утюгом, разглаживать утюгом! – строго заметила она.

Утром того дня, когда должна была пройти олимпиада по истории, я спилила ветку старой сосны за нашим домом. Сосновые иголки, вертясь в воздухе крошечными пропеллерчиками, падали на снег. После школы я села на автобус до казино в Уайтвуде и пронесла свой волчий плакат и сосновую ветку мимо стариков из дома престарелых, которые при виде меня и моей ноши нахмурились, но ни слова не проронили. В актовом зале Уайтвудской средней школы я укрепила сосновую ветку на кафедре для создания нужной атмосферы. Потом проиграла пленку с многократной записью волчьего воя. Когда я начала свой доклад, в горле у меня пересохло, но я все равно не стала пользоваться своими записями и, стоя на кафедре, не раскачивалась взад-вперед, как парень, который выступал до меня. Я была сосредоточена и спокойна. Я демонстрировала изображения волчат в разных позах покорности и, процитировав выдержку из книги, сказала:

– Но термин «альфа-самец» – его придумали, чтобы описывать поведение животных в неволе, – может ввести в заблуждение. Альфа-самец ведет себя как альфа только в определенные моменты и в силу определенных причин.

Эти слова всегда порождали во мне ощущение, что я пью что-то холодное и сладкое, что-то запретное. Я подумала о черной волчице из Природоохранного центра, замершей в позе собачьего добродушия. И снова повторила последнюю фразу, но теперь медленно и четко, словно цитировала поправку к Конституции.

Когда я завершила доклад и замолчала, один из членов жюри взмахнул карандашом:

– Я должен сделать одно замечание. Кое-что ты не прояснила. Какая связь между волками и человеком?

Вот тогда-то я и заметила мистера Грирсона у двери. Он держал в руках куртку, словно только что пришел с улицы, и я видела, как он поймал взгляд этого самого члена жюри и пожал плечами. Это было такое едва заметное движение плечами, как будто он оправдывался: «Ну, что я могу поделать с этими детьми! Вы же знаете этих девочек-подростков!» Я глубоко вздохнула и злобно поглядела на обоих:

– Волки вообще-то ничего общего не имеют с людьми. Волки по возможности стараются избегать контактов с людьми.

Мне дали приз за оригинальность – букет гвоздик, выкрашенных в зеленый цвет в честь Дня святого Патрика. После церемонии награждения мистер Грирсон спросил, не надо ли загрузить сосновую ветку вместе с плакатом в его машину и отвезти все это в школу. Я была ужасно расстроена и помотала головой. Победительницей олимпиады стала семиклассница в брючном костюме – ее сфотографировали вместе с ее акварельной картиной, изображающей крушение сухогруза «Эдмунд Фицджеральд»[7 - Крупнотоннажный сухогруз «Эдмунд Фицджеральд» затонул во время шторма 10 ноября 1975 года на озере Верхнее.]. Я застегнула пальто на все пуговицы и поплелась за мистером Грирсоном, который вынес поникшую сосновую ветку через служебный выход. Он воткнул ее в сугроб.

– Прямо как в «Рождестве Чарли Брауна»[8 - «Рождество Чарли Брауна» – популярный мультипликационный сериал середины 1960-х годов про мальчика Чарли Брауна, который грустит при виде алюминиевой елки, купленной в канун Рождества вместо настоящей.], – рассмеялся он. – Надо бы ее украсить ленточками из алюминиевой фольги. Будет симпатично.

Он нагнулся смахнуть сосновые иголки со своих штанов, и я инстинктивно тоже протянула руку и принялась ему помогать, поглаживая его по бедру. Он отступил на шаг, передернул ногами и натужно расхохотался. Мужчины становятся такими жалкими, когда дело доходит до секса. Это я узнала позже. Но в тот момент то, что я сделала, не выглядело таким уж сексуальным. Говорю это вполне определенно. Мне тогда казалось, что я просто привожу в порядок его одежду. Так же задабривают собаку: сначала шерсть у нее на загривке встает дыбом, потом животное успокаивается – и в итоге вы получаете верного пса.

Я облизала губы – в точности как Лили Холберн, по-оленьи, так невинно! – и попросила:

– Мистер Грирсон, вы не отвезете меня домой?

Прежде чем мы уехали из Уайтвудской школы, мистер Грирсон вернулся в здание и вынес смоченное в воде бумажное полотенце, которым обернул стебли гвоздик. После чего вложил букет мне в руки, очень осторожно, точно это был птенец белоголового орлана. Пока мы ехали двадцать шесть миль от Уайтвудской школы до дома моих родителей, я наблюдала, как ураганный ветер срывает кусочки льда с веток деревьев – и это зрелище усиливало ощущение медленно надвигающейся катастрофы. Обогреватель в машине мистера Грирсона работал кое-как, и мне пришлось протирать запотевшее лобовое стекло грязным рукавом куртки.

– Это тот поворот? – спросил он, свернув на Стилл-Лейк-роуд. Он откусывал передними зубами крошечные чешуйки сухой кожи с губ. Даже в сумерках я могла разглядеть на его губе трещину, с коркой запекшейся крови, но не кровоточащую. Вид его губы почему-то меня обрадовал: у меня возникло чувство, что это я нанесла ему рану – своим докладом про волков, своими сосновыми иголками.

Дорога к родительской хижине была, как всегда, не расчищена. Мистер Грирсон притормозил на перекрестке, и мы оба подались вперед, вглядываясь сквозь заиндевевшее лобовое стекло в темнеющий вдалеке крутой холм. Я поглядела на него: его горло казалось широким и мягким, точно оголившийся живот, и я потянулась к нему и поцеловала его туда. Быстро так, очень быстро.

Он вздрогнул.

– Значит, туда? – Он потянул замок молнии вверх и спрятал горло в воротнике пальто. На вершине холма притулилась хибара моих родителей с освещенными окнами, и могу сказать, что он буквально впился в нее взглядом, потому что это первое, что виднелось в темноте. – Ага, это тут обитают хиппи из бывшей коммуны? Я слышал про них странные истории. Твои соседи?

Он, конечно, просто так спросил, чтобы не сидеть молча, – а я судорожно вцепилась в свой букет гвоздик. Я чувствовала себя расколотой, словно щепка для розжига печки.

– Они ни с кем не общаются.

– Да? – Мысленно уже он был где-то далеко.

Мокрые снежинки налеплялись на лобовое стекло, но я этого не видела: изнутри стекло снова запотело.

– Давай я довезу тебя прямо до дома, – предложил он, передернув рычаг коробки передач и повернув руль, и я кожей почуяла, как ему надоело нести за меня ответственность.

– Отсюда я могу дойти пешком, – ответила я.

И подумала, что, если я громко хлопну дверцей, мистер Грирсон, наверное, выскочит за мной. Вот что значит быть четырнадцатилетней девчонкой. Я подумала, если прыгну с дороги в снег, может, он побежит следом – чтобы загладить передо мной вину, или убедиться, что я благополучно добралась до дома, или сунуть свои перемазанные мелом учительские пальцы мне под куртку… Ну, не знаю. И вместо того чтобы направиться вверх по склону холма, я свернула к озеру. Прорезав вихрь колючих снежинок, я выскользнула на лед, но, обернувшись, увидела, как его машина с включенными фарами уже разворачивается – он развернулся очень аккуратно, чтобы не ткнуться бампером в придорожные деревья.

Скандал с мистером Грирсоном разразился спустя несколько месяцев после того, как я следующей осенью пошла в старший класс[9 - Среднее образование в США состоит из трех ступеней: начальная школа, средняя школа и старшая средняя школа (где учатся подростки 15–18 лет).]. Эту сплетню я подслушала, наливая кофе посетителю городской закусочной, куда я устроилась на почасовую работу. Учителя обвинили в педофилии и в сексуальных преступлениях в школе, где он работал раньше, и из нашей его тут же уволили – в его прежней калифорнийской квартире нашли и конфисковали пачку непристойных фоток. В тот день после работы я отнесла свои чаевые в бар по соседству и купила там

свою первую в жизни пачку сигарет в автомате вестибюля. По опыту курения нескольких сигарет, которые я стянула дома, когда зажигаешь сигарету, нельзя сразу затягиваться дымом. Но все равно, когда я нырнула в мокрые кусты позади парковки, глаза заслезились, я закашлялась, потому что меня захлестнула волна злобного негодования. Больше всего меня покоробило то, что я почувствовала себя обманутой. Мне казалось, что я сумела угадать скрытую суть мистера Грирсона, а он лгал мне, по большому счету, игнорируя то, что я сделала в машине, то есть сделал вид, будто он лучше, чем на самом деле. Я вспомнила, как на меня пахнуло чем-то затхлым, когда я придвинулась к нему ближе, словно пот пропитал всю его одежду и потом высох на морозном воздухе. Я думала обо всем этом, и в конце концов мои чувства о нем свелись к неприятному чувству жалости, которое буквально хлестнуло мне по сердцу. Мне казалось ужасно несправедливым, что люди не в силах измениться, даже упорно работая над собой и повторяя снова и снова: «Я хочу стать другим».

Когда мне было лет шесть или семь, мама посадила меня в ванну прямо в нижнем белье. Дело было ранним утром, в середине лета. На ее лицо упал сноп света. Она стала поливать мне голову водой из мерного стаканчика.

– Хотелось бы поверить в эту хрень! – проговорила мама.

– А что должно произойти? – спросила я, ежась.

– Хороший вопрос, – усмехнулась она. – Ты новый горшочек риса, малышка. Я начинаю варить тебя заново.

В тот вечер, когда мистер Грирсон подвез меня, мне не хотелось идти домой. Я думала – с радостью, ощущая цепкие объятия крючков в горле, когда сглатывала слюну, – что могу внезапно провалиться сквозь тонкий лед и просто утонуть. Мои родители долго меня не хватятся, может быть, до самого утра. Мама проводила каждый вечер, сшивая лоскутные одеяла для заключенных. А отец вечерами тайком вывозил лес с вырубки за озером – там расчистили участок земли на продажу. Я вообще-то точно не знала, настоящие они мне родители или нет или это была просто пара, оставшаяся тут жить после того, как все члены коммуны разъехались кто куда – кто-то вернулся в свой колледж, кто-то в старый офис в «городах-близнецах»[10 - Так называют Миннеаполис,

крупнейший город штата Миннесота, и столицу штата Сент-Пол, расположенные напротив друг друга на разных берегах Миссисипи.]. Они мне были, скорее, как сводные брат и сестра, а не родители, хотя обращались со мной всегда хорошо, – и в каком-то смысле хуже этого ощущения ничего не могло быть. Гораздо хуже, чем покупать пачку хлопьев, наскребая нужную сумму из десятицентовиков и четвертаков, куда хуже, чем получать в дар от соседей обноски, и намного хуже, чем когда меня называли Коммунякой или Чудачкой. Помню: мне было лет десять, и отец повесил на огромном тополе качели, а мама вытаскивала застрявшие у меня в волосах репьи. И все же в тот вечер, когда мистер Грирсон бросил меня на дороге, я все злобно думала, все ждала, что мое тело провалится под лед. Вот он твой рис, мама! Целый горшок риса!

Потом я поступила в муниципальный колледж и бросила его, потом какое-то время поработала в «городах-близнецах» и нашла в интернете национальную базу сексуальных преступников: можно было ввести чье-то имя и отслеживать перемещения этих людей по всей стране. Можно наблюдать, как тонкий красный шлейф ползет из штата в штат по мере переезда из города в город, как они движутся из Арканзаса в Монтану, как они ищут себе дешевенькие квартирки, как снова попадают за решетку и выходят на волю. Вы следите, как они меняют свои имена, но их все равно вылавливают, и всякий раз, как это происходит, их жертвы взрывают Сеть, размещая негодующие посты. Вы можете наблюдать, как их подвергают моральному поношению по всей стране. Вы видите, как они пытаются взяться за старое. Вы следуете за ними по пятам в Южную Флориду, на болота, где они открывают в мангровых зарослях антикварную лавчонку и торгуют всяким хламом. Ржавыми лампами, чучелами уток, фальшивыми акульими зубами и дешевыми золотыми сережками. Вы можете видеть буквально весь ассортимент их товара, потому что люди обновляют свои посты и добавляют все новые и новые детали. За ними наблюдает масса зрителей. И все каждый день пишут про них что-то новенькое. «А стоит купить у осужденного секс-преступника старую географическую карту?» – спрашивают люди. И этот вопрос кому-то представляется очень спорным с этической точки зрения. «Разве у меня нет конституционного права заявить ему, что я не желаю, чтобы он жил тут и торговал по дешевке старыми почтовыми открытками?» Люди пишут: «У меня разве нет права заявить ему это в его поганую рожу?» И еще: «Да кем он себя возомнил?»

Стопки бумаги передаются из рук в руки по рядам. Вот как оно происходило у нас в старшей школе. Бумажная стопка двигалась вдоль ряда между партами, возвращалась вдоль следующего ряда и медленно поворачивала к задним партам. Талантливые и одаренные – теперь они объединились в Латинский клуб, в Бригаду судмедэкспертов – облизывали кончики пальцев и выуживали из стопки свой листок. Они всегда приступали к работе так, как команда пловцов, которым предстоит наворачивать круги в бассейне: шумно вдыхали воздух краешком рта и кусали кончики карандашей. Хоккеистов, когда стопка бумаги добиралась до их ряда, приходилось расталкивать от вечной дремоты, но с ними приходилось обращаться с величайшим почтением – иначе они могли продуть чемпионат округа. В очередной раз. Они не спеша просыпались, брали листки и отправляли стопку дальше по ряду, не спеша раздирали обертку с пакета чипсов и отправляли хрустящие кружочки в рот, потом вытирали соль с губ и возвращались к своим сладким грезам о Чемпионстве. А о чем же еще грезить хоккеистам? Мы жили в их мире. Я поняла это, когда мне исполнилось пятнадцать. Они добились того, что их грезы стали нашей явью. Они получили учителей, готовых прощать их за сданные после контрольных чистые листки бумаги. Они получили чирлидерш, которые вопили их имена на предматчевых разогревах. У них были машины для заливки льда, готовые затопить своими струями всю округу и превратить ее в бескрайний каток. В тот год мы переехали в новое здание, нас усадили в просторный класс со стенами из светлого кирпича, но снаружи все оставалось таким же, как и во времена нашего детства. Зима бумерангом прилетела обратно.

Снаружи: полутораметровые сугробы, покрытые блестящей коркой наледи.

Внутри: европейская история, основы государства и права США, тригонометрия, английский язык и литература.

И еще науки о жизни, которые преподавала наша старая училка – она в восьмом классе вела уроки физкультуры – Лиз Лундгрен. В конце дня она приплеталась из здания средней школы в камуфляжных лыжных штанах и в пуховике с капюшоном. У миз Лундгрен был нервный тик. Когда она раздражалась или воодушевлялась, она вдруг переходила на шепот. Ей казалось, что так ее будут слушать внимательнее. Она была уверена, что так мы лучше усвоим ее рассказ

про амеб или грибы и лучше поймем принципы деления клеток, если не сумеем расслышать все произносимые ею слова. «Споры… в отсутствие воды или тепла… перемещаются огромными колониями», – шептала миз Лундгрен, и складывалось впечатление, будто она нам рассказывала какую-то постыдную сплетню, которая, будучи рассказана уже не в первый раз, полностью утрачивала всякую актуальность.

В этом классе я всегда слышала, как тикают часы. Из каждого окна было видно, как порывы ветра взметают вихрями снег, а на следующий день по всей округе возникали огромные, высотой с дом, сугробы. Как-то к концу урока об эволюции поздняя буря занесла к зданию школы гигантскую тополиную ветку, покрытую ледяной коркой. Я смотрела в окно и видела, как ветка, подпрыгивая, неслась по двору и чудом не врезалась в голубой автомобильчик «хонда», отъезжавший от бакалейной лавки через дорогу от школы. А у доски миз Лундгрен, скрипя мелом, выписывала курсивом положительные и отрицательные последствия естественного отбора. Я приблизила лицо к окну, и стекло тут же запотело. Я отодвинулась от окна. Какой-то мужчина в дутой куртке с капюшоном вылез из голубой машины, оттащил ветку с проезжей части, потом вернулся за руль. После чего «хонда» описала большую дугу и, раздавив колесами несколько отломившихся от ветки прутиков, уехала.

Через несколько минут выглянуло солнце, удивив всех своим сиянием. Но никто не удивился, когда нас отпустили из школы на полчаса раньше из-за обещанных заморозков с ураганным ветром. От автобусной остановки я добралась до дома резвой рысью. Заснеженная дорога хрустела под моими подошвами, ветер дул со стороны озера, под порывами ветра сосны над моей головой стонали и поскрипывали. На полпути к дому, на склоне холма, я совсем сбилась с дыхания, а лицо превратилось в нечто, мало похожее на лицо – мороз буквально стер его. Только когда я наконец оказалась на вершине холма, я смогла передохнуть и стереть льдинки с носа. Обернувшись, я заметила над озером дымок автомобильного выхлопа. Мне пришлось прищуриться, чтобы различить на сплошной белизне, что там такое.

Это была голубая «хонда» из города. Пара разгружала багажник.

С вершины холма озеро казалось очень узким: не более восьмисот футов в ширину. Я понаблюдала несколько минут, отогревая дыханием пальцы, плотно сжатые в кулаки.

Я уже как-то видела эту пару – в августе. Они приезжали посмотреть, как идет строительство их коттеджа на берегу озера: его строила бригада студентов колледжа из Дулута. Бригада все лето расчищала участок под стройплощадку, выкорчевывая мотыгами кусты, потом возводила фанерные стены, покрывала дранкой сводчатую крышу. Коттедж, когда они его достроили, не был похож ни на один дом в Лус-Ривере. Он был обшит не обычным сайдингом, а полубревнами, у него были огромные треугольные окна, а еще широченная веранда из светлой сосны, которая нависала над озером, точно нос корабля. Отец семейства выволок из багажника два деревянных складных стула и пару послушных котов – один был черный, упитанный, другой – белый, изящно возлежавший у него на руке. Я наблюдала за ними тем августовским вечером, когда они бродили по своей палубе-веранде, завернутые с ног до головы в купальные простыни. Отец, мать и малыш. У малыша простынка волочилась по сосновым доскам, и мать и отец одновременно бросились расправлять складки. Оба напоминали свиту крохотной невесты – такие они были заботливые, суетливые… Мне показалось, что они говорят малышу какие-то приятные слова – у него был пронзительный перепуганный голосок, разносившийся над водной гладью. С тех пор я их больше не видела.

А в этот зимний день они вернулись. Вечером я видела, как отец смахивает розовой метлой снег с веранды. Из трубы валил дым. А на следующий день из коттеджа вышли мать и ребенок – оба были в комбинезонах и тяжело вышагивали в ботинках. Карапуз нетвердо топал по свежевыпавшему снегу: он с трудом сделал несколько шагов и завяз. Мать подхватила сына под мышки, выдернув его ножки из ботинок. Я заметила, что, подняв беспомощного малыша над головой, она никак не могла сообразить, что же делать дальше: то ли снова поставить его, сунув ножки в ботинки, то ли тащить его, в одних носках, на руках через снежное поле.

Я еще злобно подумала: а какого же хрена они ожидали? Но их мне тоже было жалко. На морозе озеро застыло – ни движения, ни дуновения. Настала худшая пора зимы: куда ни брось взгляд, повсюду белая пустыня, где нет места для маленьких детей и городских жителей. Внизу подо мной, под сорокасантиметровой толщей льда, таились судаки. Они не пытались плыть или что-то делать, что требовало физических усилий. Они просто зависли на глубоководье, с едва бьющимися сердцами, и ждали, спрятавшись в вымороженных корягах, когда отступит зима.

Мы-то по крайней мере были готовы пережить еще один месяц зимы. Каждую ночь я протапливала печь, прежде чем забраться по стремянке к себе в «лофт», и каждое утро затемно я ворошила пальцами угольки и заново разжигала пламя с помощью кедровых щепочек. У нас было припасено около пяти кубометров дров, сложенных поленницей у стены хижины, и я их очень медленно расходовала. Мы забили тряпьем щели в окнах, чтобы не выдувалось тепло, а на плите стояли большие кастрюли, в которых мы растапливали лед и снег. Отец пробуравил новую лунку для подледного лова – а лед был толщиной не меньше полуметра.

А потом, в середине марта, столбик термометра скакнул вверх – к отметке 50[11 - По Фаренгейту: +10 °C.] – и чудесным образом так и остался там. За пару недель снежные дюны на южном склоне холма подтаяли, превратившись в сталагмитовую рощу. На поверхности льда на озере засверкала мокрая пленка, и поздними вечерами можно было слышать, как в разных местах озеро пощелкивает и позвякивает. Ледяной покров пошел трещинами. Было достаточно тепло, и я могла выходить к поленнице за дровами без рукавиц, а защелки на собачьих ошейниках можно было размораживать теплом пальцев. На веранде-палубе коттеджа на другом берегу озера появился телескоп на треноге – длинный и похожий на копье, нацеленное в небо. Под треногой поставили скамеечку, на которую вечерами иногда взгромождался карапуз и двумя ручонками в толстых рукавичках прижимал окуляр к лицу. На нем был шарф в белую и красную полоску и красная шапка с помпоном. Всякий раз, когда поднимался ветер, помпон трепыхался, как поплавок на воде.

Иногда появлялась мать в лыжной шапочке и налаживала телескоп себе по росту, поднимала трубу и глядела в окуляр на ночное небо. При этом она клала руку в перчатке на голову сыну. Потом, когда становилось совсем темно, они уходили обратно в дом. Я видела, как они разматывают свои шарфы. Я смотрела, как они берут котов на руки и моют им лапки в теплой кипяченой воде из чайника. У них вроде не было даже жалюзи на гигантских треугольных окнах. И я могла наблюдать, как они ужинают, – как будто ужин был приготовлен для меня лично. Я сидела на крыше нашей хижины с отцовским бушнеловским биноклем и, наводя на резкость, поворачивала липкие цилиндры и время от времени согревала ладони о шею. Мальчуган, встав коленками на подушку кресла-качалки, раскачивался. Мать суетилась рядом. Она курсировала между столом, кухонной стойкой и плитой и все время что-то вырезала в тарелке у ребенка: то зеленые клинышки, то желтые треугольнички, то кружочки чего-то коричневого. Она дула на его суп. Она улыбалась, когда улыбался он. Я даже сумела разглядеть их зубы. А отец вроде как исчез. Куда же он подевался?

Ранней весной появились сосульки. Много. Они выдавливали грязно-голубые струйки со школьной крыши. После обеда с сосулек начинало капать, и бульканье капели поначалу звучало в унисон с тиканьем настенных часов в классе, потом убыстрялось и колотилось, как мое сердце: я его чувствовала, когда прижимала пальцы к левой ключице. В школе дела у меня были так себе – как всегда, и пока хоккеисты грезили, чтобы мы все вернулись в декабрь, а наши звезды ораторского искусства зазубривали тригонометрические тождества, я наблюдала, как Лили Холберн теряет одну за другой своих подруг. В компании четырех девчонок она всегда считалась второй, но с начала зимы стала номером пять. Я не могла понять, почему так случилось, что изменилось. Трудно сказать, когда начали циркулировать слухи про нее и мистера Грирсона. Но к марту вокруг нее образовалась пустота – как пепелище после лесного пожара, – и теперь ее молчание уже не казалось таким откровенно тупым. Оно было тревожным. «Шалава» – так раньше обзывали Лили бывшие подруги, перешептываясь у нее за спиной. Это же они обычно говорили и ей в лицо, когда после занятий подшучивали над ней. Из-за ее драных джинсов, из-за ее дешевеньких свитерков в обтяжку. Теперь же они были с ней подчеркнуто милы, если приходилось ее замечать. Они уже не смеялись, когда Лили приходила в класс без карандашей, и не жалели ее, если она забывала дома обед. Ей давали взаймы, когда она просила. С ней делились туалетной бумагой, подсовывая оторванные листки под перегородку кабинки, где она сидела, и еще шептали: «Этого хватит? Может, еще надо?»

А в коридоре демонстративно проходили мимо.

У меня было для нее сообщение. Я написала ей записку и передала вместе со стопкой листков для контрольной работы, которая однажды днем, как обычно, перемещалась вдоль рядов в классе. «Мне плевать, что болтают про тебя и мистера Г.». Не то что мне хотелось ее защитить: мы же никогда не дружили, никогда не оставались вдвоем, просто Лили каким-то образом стала ассоциироваться с мистером Грирсоном, и мне хотелось узнать почему. Но Лили не ответила на записку. Она даже не обернулась, а просто сидела, согнувшись за партой, и притворялась, как будто что-то понимает в квадратных корнях.

Вот почему я так удивилась, когда столкнулась с ней после занятий. Она ждала меня у задней двери. На ней был красный шарф, плотно намотанный на шею, и странного покроя джинсовая куртка, которая застегивалась как матросский

бушлат-зюйдвестка – от колен до горловины. Я была застигнута врасплох. Постаравшись напустить на себя равнодушный вид, я достала сигарету и закурила – но, когда протянула ей, она отрицательно помотала головой и молча вытаращилась на тлеющий кончик.

– Ну, дела… – произнесла я – надо же было что-то сказать.

Она пожала плечами – миленько так, непосредственно, вполне в своем духе. И я ощутила укол раздражения.

Я видела ее длинную белую шею, выглядывающую из-под слоев красной шерсти. И вдруг обрадовалась, увидев, что вблизи ее куртка оказалась сильно поношенной, а нижняя кайма оторвалась и свисала сзади в лужу талой воды. При всей своей многоопытности Лили всегда представлялась мне необъяснимо невинным созданием. Но теперь от нее исходило и еще какое-то необъяснимое превосходство: она словно дрейфовала, никого вокруг не замечая. Скажи при ней «мистер Грирсон» – и она воспарит вверх. Как воздушный шарик.

Я решила рискнуть. И прошептала:

– Что он с тобой сделал?

Она опять пожала плечами, и ее глаза расширились.

– Где?

– Где? – Она выглядела сконфуженной.

Я шагнула к ней:

– Я же поняла, что у вас что-то было. Я могла бы тебя предупредить.

Она не смотрела на меня, и я заметила, что ее волосы заплетены в тугую косичку сбоку, так что одно ухо торчало. Оно покраснело на холоде и поблескивало – словно губа. И тут меня осенило:

– Ты все выдумала!

И хотя Лили промолчала, инстинктивно я поняла: в точку!

– Про него и про себя! – Я сглотнула.

– Угу.

Мы могли бы вот так стоять на тротуаре, дожидаясь, когда проедут машины и можно будет перейти улицу, а потом разойтись в разные стороны. Мы могли бы нарочито игнорировать друг друга – я со своей сигареткой, Лили с открытой банкой колы, которую она изящно выудила из кармана куртки. И все же на какое-то мгновение я почувствовала искреннюю симпатию к ней, и отпала всякая необходимость что-либо говорить. Наше молчание переполняли десятки возможностей для новых откровений. Мы слышали журчание невидимых струй: ручейки талой воды бежали по мостовой и по тротуару. Мы слышали хруст кристаллов соли под шинами проезжающих автомобилей. Потом Лили отшвырнула пустую банку в снег, и я поняла, что она призналась мне без всякой на то причины. Я поняла, что она призналась только потому, что мне некому было об этом рассказать. С таким же успехом она могла поведать свой секрет придорожному сугробу.

Сигарета чуть не вывалилась из моих губ.

– Да ты не бойся, все забудется. Ну… эти сплетни.

Она в третий раз пожала плечами:

– Думаешь? Сомневаюсь.

Лили сбила с ботинка кусок грязи, покрепче намотала шарф на шею – и показалась мне еще более симпатичной, когда ее длинная, согнутая в локте рука выписала в воздухе неопределенную геометрическую фигуру. Она произнесла последние слова с каким-то скрытым удовольствием, даже самодовольством.

На другой день я следила за ней. Съев сэндвич с ореховым маслом в последней кабинке в женском туалете, я вышла и заметила, как Лили заходит в кабинет

школьного методиста. Заметила мельком – только ее затылок и синий рюкзак за спиной. В тот день на урок английского она не пришла, но потом я увидела ее у питьевого фонтанчика: наклонившись к струйке, она зажала в кулак прядь темных волос. И я пошла за ней следом вверх по лестнице. На площадке второго этажа она выглянула в окно – и я тоже посмотрела туда: несколько фиолетовых ворон копошились в мусорном баке, выуживая что-то съестное. Лили лишь на секунду остановилась, чтобы поглядеть на птиц, и, когда она повернула голову, я увидела белки ее глаз. Потом прозвенел последний звонок, и я видела, как она шла по освещенному флуоресцентными лампами коридору, и все буквально шарахались от нее.

Внешне Лили ничуть не изменилась. Она одевалась так же ярко и кричаще: обтягивающие свитерки с расползающимися швами и застиранные, заношенные до дыр джинсы. Она так же охотно демонстрировала грудь. Она по-прежнему ходила на цыпочках, чем напоминала птицу в поисках корма. Лили всегда была всеобщей любимицей. Единственной ее пламенной страстью было нравиться всем. А теперь, когда она проходила мимо, все отворачивались, пряча глаза. Даже у Ларса Солвина, с которым она крутила любовь с шестого класса, запунцовела кожа под светлой бороденкой, стоило ему заметить ее в дальнем конце коридора. Росту в нем было шесть футов, и он был форвардом в дублирующем составе нашей хоккейной команды. Но он нашел остроумный способ маскировки: привалился к шкафчику и начал пристально изучать циферблат своих спортивных часов. При приближении Лили приятели окружили его плотным кольцом, приложили пальцы к козырькам бейсболок и поддернули джинсы. Все устремили глаза в пол – только бы не пялиться на торчащие груди Лили, а самый незадачливый, кто оказался рядом с классной комнатой, почувствовал себя обязанным галантно открыть перед ней дверь.

– Спасибо! – проговорила она без улыбки, но в то же время и как бы улыбнувшись.

Я проследовала за ней в класс естествознания и сама открыла себе дверь.

Я много лет подряд сидела с ней рядом: ведь в журнале фамилия Ферстон не так далеко от Холберн. И много лет я смутно ощущала свою обязанность защищать Лили, которую смутно презирала, потому что она жила в трейлере на берегу одного из соседних озер, потому что ее все любили и потому что каждую субботу ее пьяный отец спотыкался и падал где-нибудь на Гузнек-хайвее, и перед церковной службой кто-нибудь подбирал его там и отвозил домой. А

теперь я незаметно придвинула ближе к ее парте свою. Я смотрела, как шевелятся зеленые нитки на рукавах ее свитера, когда она открыла тетрадку. Я заметила, что она туда ничего не записывала: не делала заметок о коротком жизненном цикле одноклеточных, не чертила диаграммы, на которых бактерии располагались бы внизу пищевой цепочки как микроорганизмы, разлагающие органические останки. Она просто рисовала ручкой змеевидные спирали, а потом медленно зарисовывала образующиеся кольца десятками, сотнями улыбающихся рожиц.

3

И кто за кем подглядывает? Так я подумала, когда вышла однажды утром к псам и заметила, что телескоп на другом берегу развернут в нашу сторону. Он был нацелен как стрела прямо в сердце нашей хижины, прямо на то окно, где щели были заткнуты старым тряпьем. Над нашей входной дверью трепыхалось заплесневелое полотнище брезента. Я почувствовала, как волосы у меня на голове ощетинились.

Я взглянула вверх. Надо мной порхал бледно-желтый листок: вверх-вниз – порывы ветра теребили его, не давая упасть на землю. Подпрыгнув, я поймала листок. А другой рукой стала гладить собак по голове, дыханием согревая защелки на их ошейниках. При этом я выдыхала: «Фух!», отчего звери закружились на месте, и одного за другим стала спускать их с цепи. Я скомандовала: «Пошли!» – и Эйб, Доктор, Тихоня и Джаспер помчались в лес. Некоторое время я вслушивалась в их шумное дыхание, пока они прыжками перемахивали через слежавшиеся сугробы. Потом, когда восходящее солнце осветило верхушки деревьев, я услышала, как застывшее озеро застонало под их лапами. Было ясно, что ледяному покрову лежать осталось недолго.

Так и вышло. Когда к берегу прибило последнее крошево льдин, а остатки снежных дюн еще лепились к северным склонам нашего холма, я снова его увидела – мальчугана из коттеджа. Он сидел на корточках посреди дороги недалеко от нашей хижины. В тот день солнце уже пригревало так, что впору было ходить в расстегнутой куртке. Я шагала к дому от автобусной остановки и читала на ходу книгу. Не помню какую. В тот период я увлекалась

географическими картами и техническими схемами. «Знаменитые спасательные экспедиции на старом Северо-Западе. Смастери байдарку сам». Я уже почти дошла до зарослей сумаха, как вдруг заметила его. На усыпанной гравием обочине стоял велик вверх колесами, балансируя на руле. Я не сразу заметила молодую женщину, присевшую около велика – она пыталась надеть слетевшую с шестеренки цепь. Когда я подошла поближе, и девушка, и мальчуган молча посмотрели на меня. У них, я заметила, были одинаковые карие глаза и одинаковые оранжевато-светлые волосы.

Они одновременно подняли головы, напомнив мне оленей. Я даже подумала, что они сейчас вскочат и грациозно убегут в лес. Но они остались на месте.

– Привет! – с воодушевлением произнес мальчуган и снова вернулся к своим заботам. – Это она, – пробормотал он, обращаясь к женщине.

– Кто «она»? – проговорила женщина. И обратилась ко мне: – По-моему, мы не знакомы.

Как и мальчуган, она держалась приветливо, но думала о чем-то своем.

– Похоже, мы тут застряли надолго. – Она беззаботно рассмеялась и положила перемазанную машинным маслом ладонь мальчугану на голову. – Сама видишь, какой из меня специалист по транспортным средствам. А если серьезно, мой муж не доверяет мне даже водить машину. Хотя он не патриарх какой-нибудь. Вот что я хочу сказать.

– Пат-риах, – повторил мальчик, не поднимая глаз.

– Человек, который командует всеми, но не всегда справедливо. – Она взглянула на меня, ища подтверждения своим словам: – Ведь так?

– Так, – произнес мальчик, занятый своим делом. Похоже, он набивал жухлыми листьями черный мешок.

– В первый же день, как мы сюда приехали, я протаранила машиной сугроб! Бам! И дала себе слово иметь дело только с велосипедом. Так ведь безопаснее? – Она как будто хотела услышать, что я с ней согласна. Она была ниже ростом, чем

мне казалось издалека, когда я из окна наблюдала за ней зимними вечерами, – да еще и худющая: кожа да кости. По сравнению со мной она выглядела просто пигалицей. На ней была темно-бордовая фуфайка с логотипом Чикагского университета, рукава подвернуты до локтей.

– А ты ведь наша соседка из дома на противоположном берегу озера, да? – продолжала она. – Я поздоровалась? – Она повернулась к малышу: – Я с ней поздоровалась? А то я совсем забыла правила хорошего тона.

Мальчик встал.

– Надо так говорить. Здравствуйте! – Он бросился ко мне, протянув большую черную руку для пожатия. Это была распухшая и как-то чудно вывернутая кисть – все пальцы торчали в разные стороны, изгибаясь толстыми червяками.

Я невольно отпрянула назад.

– Это мой Помощник Третья Рука, – объяснил мальчик. – Он меня охраняет.

Только теперь я поняла, что он набил листьями мужскую кожаную перчатку, которой принялся колотить по сосновому стволу. После нескольких ударов он запыхался и снова присел на корточки. Утомился.

– Он обожает эту игру, – объяснила пигалица. – Да, я – Патра, его мама. А это – Пол, мой сын. А вы… Безымянная соседка.

– Безымянная! – засмеялся мальчуган.

Вблизи она выглядела совсем юной, чтобы быть чьей-то матерью. Бровей у нее не было вовсе, она была худая, как я, фигура совсем без выпуклостей, одета в теннисные туфли, легинсы и длинные шерстяные носки, натянутые до колен. Волосы у нее были такие же оранжеватые и редкие, как у мальчика, но кудрявые, собранные под голубым пластиковым обручем.

Когда она улыбалась, обруч немного сдвигался назад.

– Да я шучу. Тебя зовут…

«Мэтти», – подумала я нехотя – так ветер вытягивает смолу из коры деревьев. Но вслух произнесла:

– Линда!

Мальчуган, оставаясь на корточках, потянул мать за рукав:

– Мне надо ей кое-что сказать!

– Ну так скажи!

– Это секрет! – капризно протянул он.

– Тогда подойди и скажи! – Она подтолкнула его ко мне. Я стояла напротив них на обочине. – Только посмотри по сторонам, когда будешь переходить дорогу. Хотя… – Она обратилась ко мне: – Пока мы тут были, я не видела ни одной машины. Это так чудесно! Местные жители могут без опаски читать прямо по середине проезжей части!

Она мне при этом подмигнула? Она насмехалась надо мной? А мне тоже надо было посмеяться?

Она сказала сыну:

– Сначала направо, потом налево. И – вперед!

На суде меня все спрашивали: когда я поняла, что с мальчиком что-то не то. И правильным ответом, наверное, было бы: сразу же! Но это ощущение улетучилось, когда я получше его узнала. Как Пол начинал задыхаться, когда долго говорил, и как ему надо было сесть отдохнуть, когда он перевозбуждался, – эти странности в его поведении постепенно начали мне казаться просто его особенностями. Пол был шебутным, обидчивым, а иногда его охватывало какое-то маниакальное возбуждение. Я постепенно привыкла к его перепадам настроения. Хотя внешне он многим казался старше своих лет, весной, когда я с ним познакомилась, ему исполнилось четыре. У него были

набрякшие веки и крупные красные руки. Он строил типичные для ребенка четырех лет планы на жизнь: слетать на Марс, заиметь ботинки со шнурками. На веранде-палубе он сооружал город из камешков и пучков травы. Почти любую одежду, которую он носил, украшало изображение поезда: паровозик Томас[12 - Главный персонаж серии мультфильмов.], или старинные вагоны-скотовозки, или просто паровозы. Но он ни разу в жизни не видел настоящий поезд. Всю весну он ездил привязанный ремнями к пластиковому велосипедному сиденью позади матери – в продуктовую лавку или на почту. И повсюду таскал с собой эту старую кожаную перчатку, у которой кончики пальцев были стерты почти насквозь и стали фиолетовыми, а ладони сгнили и позеленели от сырости.

Перейдя дорогу, он сразу отдал мне перчатку, а сам сжал пальцы в кулачки и прижал их к промежности. Он заставил меня нагнуться и шепнул на ухо:

– Я хочу в туалет!

Я помню, как подумала тогда: «Этого мне только не хватало!» Яркое солнце, недавно еще висевшее над дорогой, укатилось за деревья и теперь освещало другую часть леса. Ну и что с ним делать? Я поглядела на его мать: она вытерла ладони о свитер, поставила велосипед на колеса и позвала сына. Потом, держа велосипед за руль, покатила его через дорогу к нам. У нее на запястье болтался мальчиковый шлем на ремешке, а велик издавал металлический стук.

– По-моему, он хочет… – начала я. Но это было и так ясно. Мальчуган обеими руками сжимал промежность. И мне не было необходимости повторять сказанное им, громко озвучивать его желание. Но она уже подхватила его на руки, уместила на пластиковом сиденье и пристегнула ремнем безопасности.

У него был такой вид, что он вот-вот расплачется, и мама поцеловала его в лоб, смахнув челку с глаз.

– Велик так и не удалось починить, малыш, но я буду толкать его и тебя руками, а мы будем топать и петь. Как тебе такое предложение? – Она бросила взгляд на кожаную перчатку в моей руке, и я отдала перчатку, которую она вложила ему в ладошки. – Ну вот. И что мы будем петь, солнышко?

– Добрый король Вацлав[13 - Популярная рождественская песенка про щедрого короля Богемии Вацлава Первого.], – проговорил он, надув губы.

– Ты не хочешь с нами, Линда? Пошли, проводи нас до дому! – Она улыбнулась, и я отметила про себя, как быстро она меняла маски: то заботливая мамочка, то взрослая женщина, предлагающая вступить с ней в тайный сговор. Уж не знаю почему, но меня порадовала перспектива второго варианта. И я, к своему удивлению, кивнула в знак согласия.

Когда мы пришли к их коттеджу, дверь оказалась не заперта. Пол дернул за ручку. Войдя в дом, мать и сын потопали ногами на половике.

– Фи-фай-фо-фам! – прорычал мальчик.

– Чую кровь англичанина! – отозвалась Патра. Потом оба плюхнулись на пол – мальчик оказался в объятиях у матери. Она сняла с него ботинки, а сама начала притворно кусать его за шею.

«Вот дают!» – подумала я, глядя на их ритуал. Оба кота лениво наблюдали за ними с подоконников. Я сошла с половика и направилась в комнату – так входишь в теплую воду: вентиль отопления у них был на максимуме. И я сразу ощутила на себе все свои одежки, всю эту ношу, которую я таскала целый день, а потом ощутила каждую одежку по отдельности, от верхней до нательной: отцовскую охотничью куртку, свитер, фланелевую рубашку, футболку, отсутствующий лифчик, пот на коже. Пот струился из левой подмышки. Я поежилась.

– Ну, входи! – пригласила Патра. Она осталась в одних носках, а Пол, уже без ботинок, помчался писать.

Их коттедж состоял из одной большой комнаты, которую я видела в окно по вечерам. Кухонный отсек со всякими блестящими прибамбасами располагался у внутреннего простенка. Озеро, поблескивающее мириадами крошечных рыболовных крючков, виднелось в дальних окнах. Вся мебель у них была новая, я сразу заметила, вся в бордовых и кремовых, коричневых и желтых тонах. В углу стояли обитые вельветом кушетки, а в самом центре – стол коньячного цвета, пахнущий свежей древесиной, точно недавно разрубленные сосновые

поленья. Из глубины темного коридора донесся шум спускаемой воды. По коридору в комнату вбежал вприпрыжку мальчик, в одних носках, он перескакивал с одного овального коврика на другой, и эта сложная забава требовала от него полной концентрации внимания.

Он подбежал ко мне и потребовал:

– Снимай ботинки!

Ботинки, свалявшиеся шерстяные носки, а под ними желтые грязные пальцы. Я покачала головой.

– Ну, тогда снимай куртку!

Но я осталась в куртке. Большая комната купалась в солнечном свете – смахивающем на мочу, бледном, но при этом знойном. На секунду я забеспокоилась, что мама может заметить меня здесь, глядя через озеро к ним в окна. Потом вспомнила, какими непроницаемо черными были эти гигантские стеклянные треугольники в дневное время. Ничего бы она не разглядела.

– Снимай ботинки, – повторил он.

– Не будь деспотом, Пол! – сделала ему замечание мама.

– Депсотом! – механически повторил он.

– Это как патриарх – только еще хуже! Всем указывает, что делать. Хотя никто его не выбирал и не наделял такой властью! – Патра стояла у кухонной стойки и наполняла водой чайник. Я вспомнила, что много раз видела эту сцену, наблюдая за ней из хижины. Потом на столе появятся чистые кружки, тарелки, и она начнет нарезать нам еду.

– Давай приготовим что-нибудь вкусненькое, – предложила она. – Иди помогать, Линда!

Пол вцепился в мою руку.

– Ну сними ботинки! – умолял он. – Сними ботинки! Сними ботинки!

Я не наклонилась к нему. Я не стала использовать интонации, специально предназначенные для разговоров с детьми.

– Нет, спасибо, – произнесла я так тихо, чтобы Патра не смогла услышать. Почти прошипела. – И отпусти мою руку, ага?

Мальчик недоуменно смотрел на меня снизу вверх. Словно я его попросила снять с себя лицо.

Минут через двадцать мы ели лапшу со сливочным маслом и зеленый салат из волнистых листьев, которых я раньше никогда в жизни не видела. Листья закручивались вокруг моей вилки. Толстая куртка стесняла движения, и, хотя в ней я чувствовала себя жутко неловко, моя рука двигалась медленно и аккуратно, когда поднимала ко рту кружку с чаем. Ботинки оттягивали ноги словно железные гири. Я намазала маслом клинообразный тост и учуяла, что пот пропитал все нижние слои одежды, просочившись сквозь футболку и фланелевую рубашку. Но мне было плевать. На дне кружки плавал чайный пакетик, точно утопленник, а чай имел яркий вкус весны: мяты и сельдерея. От пара у меня в носу скопилась влага, и перед глазами все поплыло. Патра нарезала помидоры красивыми красными монетами.

– Я расскажу про тебя Лео, – сообщила Патра. – Он был уверен, что в такой глуши вдали от города обитают одни старые хиппи да отшельники. И еще он велел опасаться местных медведей и мошенников.

– Они без ошейников! – кивнул Пол.

– А кто такой Лео? – спросила я. Мои глаза слезились.

– Папа! – пояснил Пол.

– Он сейчас на Гавайях, – добавила Патра. – У него мартовский период активности в поисках протогалактик. Он вычерчивает карты неба.

– А, Гавайи, – кивнула я. Это я произнесла таким тоном, словно хотела сообщить, что и сама побывала там недавно, что тамошняя еда ужасна, а местные крайне неприветливы. И пожала плечами. Словно я за свою жизнь и так уже много времени потратила впустую в поисках протогалактик на тропических островах.

– Да, кстати! – обратилась ко мне Патра. Она разматывала вилкой и ножом спутавшуюся лапшу в тарелке Пола и раскладывала ее длинными параллельными канатиками. Она остановилась. – Нам надо позвонить твоей маме, правильно? Надо сказать, где ты, на тот случай, если она готовит тебе ужин. Вот! – Она сунула руку в карман и вытащила что-то продолговатое. – В лесничестве есть вышка, – она махнула рукой куда-то назад. – И еще Лео установил мощный усилитель на крыше. Надо выйти на веранду – там прием лучше, если встать рядом с телескопом! – Помолчав, она добавила: – Иногда.

Осторожно я взяла протянутый сотовый телефон. Он оказался тяжелее, чем я подумала, оценив его на вид. Много лет спустя я нарочно зашвырну свой сотовый в реку: я задолжала провайдеру такую сумму, что мою симку просто отключили, и телефон стал бесполезен. Но в те времена я еще никогда в жизни не держала в руках сотовый. Я на минутку присела на стул и взвесила его на ладони, потом стала рассматривать округлое пластиковое тело и шершавую веточку антенны. Потом, осторожно, опасаясь сшибить что-нибудь со стола большими рукавами своей куртки, я отодвинула стул и вышла из комнаты на веранду.

Уже почти совсем стемнело. На прохладном вечернем воздухе моя куртка невероятным образом стала легче, почти растворилась. Я стояла не шелохнувшись и ждала, когда глаза приспособятся к шуршащей темноте. Удивительное дело: среди вечерних теней телескоп казался живым существом. Огромная продолговатая птица – вроде цапли-мутанта – примостилась на деревянной планке, вперив в меня один глаз. Но я проигнорировала телескоп и устремила взгляд на озеро. Последние островки льда исчезли, и бледные лучи зашедшего солнца отбрасывали темные всполохи на покрытую рябью водную гладь. Суетливая гагара нырнула под воду.

Наконец, потянув так время, я перевела взгляд на родительскую хижину.

Никто не зажег там свет, но в этом ничего особенно и не было. Отец, это уж точно, попивал пивко в компании Тихони в мастерской. Обычно почти все вечера напролет мама сшивала лоскутные одеяла за столом у печки, пока не становилось так темно, что она то и дело всаживала иголку себе в пальцы. А потом, словно удивившись, словно шокированная тем, что вот и еще один день прошел – очередной день иссяк, – она зажигала фонарь или запускала генератор в чулане, от которого работала потолочная лампа на кухне. Причем делала это так, словно ее обидели.

– И почему ты мне не сказала, что уже стемнело? – возмущалась она, если я оказывалась рядом и доделывала последние крохи домашнего задания. Не знаю, почему мне доставляло такое удовольствие видеть, как ночь вот так незаметно вползает в дом. Как не знаю, какое это вообще имело ко мне отношение, – но правда в том, что я почти всегда знала, что уже темно, и у меня было такое ощущение, что я раз за разом заманиваю маму в одну и ту же ловушку.

«Попалась!» – думала я.

Хотя в этом месте озеро сужалось, но все равно если топать вдоль берега, то до хижины родителей было мили две, а если прямиком через лес – то идти пришлось бы час. Наша хижина, с крышей, наполовину обложенной кровельной плиткой, со стенами, подпертыми поленницами дров, темнела за соснами. Черная, чавкающая под ногами тропка вилась от нужника к мастерской, а оттуда к входной двери. Размеры нашей хибары – шестнадцать на двадцать футов, включая комнату родителей и мой «лофт», включая все жилые помещения вместе с железной печкой и сколоченным из старых досок столом. Сама измеряла. Вечер был темный, и я могла различить только вьющийся дымок над трубой. Я едва видела черные силуэты псов, скользящие в тенях под соснами.

А за спиной четко слышались голоса. Звяканье вилок о тарелки. Мой ужин остывал.

Я нажала наугад несколько кнопок и прижала телефон к уху. Я вообразила, что Патра стоит позади меня, и набрала побольше воздуху.

– Нет, мам, я в порядке! Буду дома через пару часиков. Нет, они милые! Патра и Пол. Они хотят, чтобы я осталась у них после ужина. Они хотят сыграть со мной

в «Рыбака и рыбку». Они хотят, чтобы я почитала ребенку и посмотрела с ним «Волшебника из страны Оз» на DVD. Они хотят угостить меня попкорном. Нет, я не знаю, чем они тут занимаются. Она вроде астроном – или это ее муж астроном. Нет, ничего таинственного в этом нет, это же наука, это научная работа. Изучение звезд. Нет, меня не похитят – их же двое: мать и сынишка, они не члены секты, они не хиппи, ничего опасного! Они милые безобидные люди. Им требуется помощник и наставник. Им нужен кто-то, кто научит их жить в лесу!

4

Чем я и занялась. В апреле я начала брать Пола на прогулки в лес, пока Патра вычитывала рукопись мужа. Распечатанные страницы лежали стопками по всему коттеджу, на кухонной стойке и под стульями. А еще повсюду валялись стопки книг и брошюр. Я подсмотрела названия: «Предсказания и обещания: внеземные тела», «Наука и здоровье. Ключ к Писанию», «Необходимости космоса».

«Просто несколько часов побудьте вне дома», – такое наставление дала Патра. Она вручила мне чипсы и брецели – соленые коричневые крендельки. А еще – синий рюкзак. И воду в бутылочках, книги о поездах, влажные салфетки, книжки-раскраски и цветные карандаши, солнцезащитный лосьон. Это все я засунула в рюкзак. А Пола взяла за руку. Его пальчики были влажные и все время шевелились, точно червячки. Но ко мне он отнесся спокойно, вроде как не испытал шока от прикосновения к моей коже.

Он вел себя не как лесной зверек. И мне не пришлось завоевывать его доверие.

Патра предложила десять долларов в день, поэтому я уволилась с временной работы в закусочной, где мне приходилось ходить в бумажном переднике, приколотом, словно кукольная одежда, к свитеру. По правде сказать, мне всегда было влом убирать со столов оставленные посетителями кружки, тарелки да недоеденные сэндвичи. Еще они оставляли липкие десятицентовики – чаевые. А Патра всегда платила хрустящими новенькими купюрами.

После школы я вела Пола в свое любимое местечко на озере, где гранитные плиты были испещрены крупными блестящими прожилками кварца. На берегу

все еще поблескивали остатки ледяных глыб. Огромные чайки парили над нашими головами. Мы располагались на оленьем мху и молча ели брецели. Обычно Пол рылся в своем рюкзачке и потом, вывернув его наизнанку, слизывал крупинки соли с подкладки. Иногда я тайком от него выкуривала сигаретку и швыряла окурок в воду. Минут через десять наши задницы становились влажными, я прятала рюкзак за деревом, и мы отправлялись в обратный путь.

К пяти часам дня, вдали от прогретых солнцем прибрежных скал, становилось прохладно. Но это же был апрель. Хотя почки на деревьях еще оставались твердыми, как наконечники стрел, мы ощущали исходящий от сосен аромат густой смолы. Мы вдыхали гнилостный запах жухлых листьев под слоем снега в оврагах. Я уже не держала Пола за ручку. В это время года леса пусты и безопасны и приветливо встречают маленьких мальчиков, которые хотят прыгать с поваленных деревьев и валунов. Я шла чуть впереди, исследуя вьющуюся тропу среди слякоти и ягодных кустарников. Пол обычно брал с собой свою кожаную перчатку и набивал ее то камешками, то сосновыми иголками. Или блестящими черными гранулами.

– Ты что, совсем? – воскликнула я, оглянувшись.

– Это для моего города! – объяснил он.

– Для города нужны кроличьи какашки? – удивилась я.

– Пушечные ядра! – поправил он.

С ним вовсе не было скучно, чего я опасалась. Он говорил белкам: «Берегитесь!», возмущался мусором, тщательно мыл свои пушечные ядра, пока они не растворялись в воде, заполнившей брошенное на берегу каноэ. Я научила его заламывать веточки вдоль тропы, чтобы легче было найти обратную дорогу, наступать на замшелые части валунов, которые были менее скользкими, чем голая поверхность. Чтобы нарушить молчание, чтобы хоть чем-то заняться, я называла предметы, мимо которых мы шли, углубляясь в лес. Ползучие земляничные деревья. Синицы. Когда мы наткнулись на разбросанные пивные банки под утесом, Пол вопросительно ткнул в них пальчиком, и я сказала: «Мусор».

Иногда Пол рассказывал про исследования своего папы («он считает маленькие звезды»), и про работу мамы («она исправляет его слова»), и про город, который он строил на веранде. Там были дороги, вымощенные корой, стены из палочек и камешков, железнодорожные пути из сухих листочков.

– А кто живет в твоем городе? – однажды спросила я. И вспомнила детей, которых когда-то было полным-полно в нашем бараке. У них тоже были любимые занятия: они строили города для фей. Они делали маленьких человечков, которые приходили по ночам.

– Там никто не живет… – Похоже, мой вопрос его расстроил.

– Тогда зачем ты его строишь?

Он пожал плечами:

– Ну, это просто город.

– Просто город, – повторила я. И вдруг прониклась к нему уважением.

Он верил мне беспрекословно. И принимал меня безоговорочно, как будто знал с рождения. Когда мы вскарабкивались на скалу и не могли спуститься, он, ни слова не говоря, расставлял ручонки, и я, подхватив его под мышки, спускала вниз. Когда ему хотелось писать, а это случалось часто, он просто говорил: «Мне надо отойти», и я поддерживала его за плечи, когда он спускал штанишки. Когда я впервые увидела его пипку, меня охватила волна симпатии и отвращения, примерно ту же смесь чувств я испытала, когда однажды наткнулась на трупики мышат в дупле дерева. У этих мышат были голубые бугорки вместо глаз и розовые хвостики, сплетенные в большой узел.

– Фу! – произнес Пол, когда я помогла ему натянуть намоченные трусики и вытереть ладошки о листок.

– Фу! – согласилась я.

В другой раз я указала пальцем на бревно:

– Попробуй попасть туда!

Каждый вечер над нашими головами слышались птичьи переклички – это канадские гуси возвращались домой из теплых краев. Вожаки, лавируя в воздушных потоках, указывали стае направление полета. На заходе солнца мы поворачивали домой. Пол нарочно тормозил, отставая от меня все больше и больше, и когда в воздухе холодало и возвращалась зима в миниатюре, как оно обычно и бывает апрельскими вечерами, я надевала рюкзачок на Пола, а потом сажала его на закорки, и мы топали к коттеджу на озере. Его пальчики клещами вцеплялись мне в волосы, а его дыхание грело мне ухо.

Как-то раз, когда я помогала Полу слезть с валуна, мы наткнулись на гнездовье диких уток так далеко от берега, что утятам ничего не осталось, кроме как с перепуганным кряканьем разбежаться врассыпную желтыми пятнами. Пол потянулся за одним из них. Коричневая мамаша-утка отскочила на несколько футов в сторону и стала с отсутствующим видом ждать, не случится ли с ее детенышем трагедия. Ее перья, ровные и гладкие, точно рыбья чешуя, поблескивали пурпурным оттенком. Она, как и я, даже не думала вмешаться, когда Пол ухватил-таки одного утенка за крыло. У него были самые добрые намерения: ведь он был добрым ребенком. В последний момент, правда, он отдернул руку, словно от испуга, словно ощутил нечто ужасное, таящееся под пухом, нечто колючее, твердое, неожиданное.

– Ой! – воскликнул он.

– Что? – спросила я, впервые раздражаясь на него.

Его капризная привередливость меня немного коробила, немного злила. Мне хотелось, чтобы он схватил утенка и сделал с ним что-то бессердечное, хулиганское, чтобы мне пришлось напомнить ему, как важно быть добрым. Не знаю. Мне хотелось остановить его, когда он обнаружит под ореолом пуха хрупкую конструкцию из косточек. Мне просто захотелось заступиться за диких животных. Меня раздражало, что он такой нерешительный и пугливый. Мы стояли и смотрели, как утята, переваливаясь, заспешили под крыло матери и все семейство воссоединилось под сосной.

На мгновение меня обуяло странное желание поднять камень и швырнуть в утиную толпу. Наверное, мне хотелось продемонстрировать Полу что-то, заставить его испытать испуг от правильного поведения.

Или вот другой случай. Вечером мы с Полом взобрались на вершину последнего холма, и когда я вгляделась в темнеющий лес, чтобы найти нашу тропинку, вдруг заметила пару оленей: они одновременно подняли головы и вышли из-за деревьев.

Мы вытаращились на них, а они на нас, и потом минут тридцать мы стояли, не шелохнувшись. Пока мы так стояли и смотрели, их стало больше: сначала три, потом четыре, потом пять. Их шкуры были точно такого же серо-коричневого цвета, что кора и листва деревьев, а кожа вокруг глаз – красноватая. Я вживую ощутила, как от их спин на нас подул бриз, как он приподнял прядь волос с моей груди и разметал по плечам.

– Они на нас нападут, – прошептал Пол, схватив меня за руку.

– Это стадо, – успокоила его я, – и они нас боятся.

Из леса вышли еще два оленя. Пол шевельнулся.

– Да все нормально! Они же добыча! – заметила я.

Спины оленей серебрились под ветерком. Розовые глаза моргали. Я знала, что они мгновенно сорвутся с места: я видела, как напряглись их задние ноги. Но даже у меня возникло иррациональное опасение, что вот сейчас они бросятся на нас. Олени, казалось, изготовились к нападению.

А потом вдруг они всем скопом, задрав белые хвостики, помчались за дальний хребет. Они передвигались вприпрыжку с той механической грацией, какая свойственна живым существам – кузнечикам или птицам, словно ничто, кроме смерти, не может прервать повторяющийся ритм их слаженных движений. С веток нас окатили капли прошедшего дождя. Мы остались одни.

Фи-фай-фо-фам. Суп из банки, салат из пакета. Кошачья шерсть на моем свитере. Коты ползли с подоконника на ковер, где они начинали самозабвенно тереться спинами о ворс и выпускать друг на дружку когти. Видео с говорящей собакой, книга за книгой.

– Пей спокойно, Пол! – Мальчишка пил яблочный сок так жадно, что половина лилась мимо рта по подбородку. Моя охотничья куртка висела на крючке, все еще сохраняя форму моих скрюченных плеч. По крыше носились белки. А на земле проросшие кленовые семена и кусты толокнянки пускали вглубь новые волосистые корни. На том берегу озера – на дальнем берегу, под соснами, – стояли мои псы. Они нетерпеливо дергали цепи, – проголодались и ждали моего возвращения. Там, на дальнем берегу озера, моя мама, снова забыв включить свет вечером, все видела – а может, и нет.

Уложив Пола спать, появилась Патра. Она пришла из задней комнаты, волосы прилипли к ее лицу, словно она сама только что проснулась. Перед тем как пойти укладывать Пола, она дала мне пазл «Конь аппалуза»[14 - Выведенная в США порода лошадей необычной пятнистой масти.] из ста фрагментов – чтобы я не скучала, пока она купает сына в ванне. И когда она вышла, сонно щурясь, я все еще пыхтела над головоломкой.

– Ох, Линда! – воскликнула она, увидев меня за столом, заваленным фрагментами пазла. Я опустила руки под стол, нащупала на обшлаге своего свитера нитку и стала ее теребить.

– Привет! – сказала я.

По-моему, ей стало стыдно за то, что она позабыла обо мне, потому что она вдруг засуетилась: достала из микроволновки миску с попкорном и выставила на стол тарелку с крутыми яйцами. Она все это положила в два пластиковых пакета, чтобы я перекусила по дороге домой: все было белым и теплым – один пакет был легкий, как воздух, а из другого шел пар. Я разложила пакеты по разным карманам куртки.

– Не слишком темно идти по лесу одной? – выглянув в окно, спросила она – но как-то безучастно. Ветка шуршала о стекло снаружи. Она выудила из кошелька десятку и протянула мне.

– Не-а. – Я скрутила десятку трубочкой и, приложив к глазу, притворилась, что изучаю ее как в миниатюрный телескоп.

– А вот и вы! – воскликнула я.

– Ха-ха! – отозвалась Патра. Но вообще-то она не засмеялась.

Я сложила трубочку пополам. А потом вдруг ни с того ни с сего меня накрыла волна униженного стыда, словно я – мистер Грирсон, шутливо изображающий телефон двумя растопыренными пальцами, а Патра – Лили, задабривающая меня, чтобы добиться своего. Ха-ха. Даже ее притворный смех говорил мне: пока-пока!

И почему я тогда просто не ушла? Мне всего-то и надо было моргнуть и забыть про нее, и через пять минут я бы уже шагала вдоль озера, глядела бы на старые деревья с шумящими над моей головой кронами и на старую луну, которая прорезывалась сквозь облака и расстилала передо мной дорожку света. О, я любила ночь! Мне в ней было уютно. Но по какой-то причине мне было трудно толкнуть дверь коттеджа. Я сунула сложенную купюру в карман куртки рядом с крутым яйцом и целую вечность провозилась с молнией куртки.

– А о чем пишет ваш муж? – спросила я напоследок.

– Э-э-э… – Вопрос ее явно озадачил.

Я сунул руки в карманы и мысленно взвесила попкорн и яйцо.

– Мне кажется, это интересно. О космическом пространстве.

– Да ладно… – сказала я.

Она улыбнулась и, нагнувшись, протянула руку черному коту. Кот прошел по ковру и оказался прямо в ее руках – словно она подтянула его к себе на леске. Пойман по собственному желанию. Кот покосился на меня из-под ее ладоней, тускло сверкнув глазами, точно тыква-фонарь на День благодарения.

– Извини. – Она погладила кота, и тот заурчал. – Эти вещи не всякому дано понять. Помнишь Ньютона?

– Которого казнили?

– Нет, это Галилею чуть не отрубили голову. А Ньютона посвятили в рыцари.

– Точно, – вспомнила я.

– Сэр Исаак Ньютон говорит, что космос – это просто пустое пространство. И что там нет ничего интересного. А Эйнштейн возразил: нет, на пространство воздействуют космические объекты, и пространство реагирует. – Она поглаживала кота, и под ее ладонью щелкали разряды статического электричества. – Так что на самом деле ничто – это нечто. Это, конечно, подтверждают математические расчеты, но наблюдения тоже. Я понимаю: математика и наблюдения кажутся противоположностями. Иногда люди так и считают, и мой муж участвует в таких вот спорах. Но в космическом порядке вещей эти противоположности прекрасно взаимодополняют друг друга, как две половинки круга.

– Об этом его книга? – с сомнением спросила я.

– Это только предисловие к книге! – рассмеялась Патра. – Там говорится о том, почему нам следует доверять… – тут она запнулась, – логике, если мы хотим понять истинную природу мироздания. Вся его книга посвящена истории теорий о жизни. С космологической точки зрения. Для широкой публики. В ней не доказывается ничего нового, там просто показано, что наши доказательные стандарты довольно сомнительны, поэтому…

Она все это говорила таким тоном, словно пыталась убедить меня в чем-то, во что сама не верила или чего не понимала. Она то и дело смотрела поверх моей головы. Словно размышляла, как бы сказать все это иначе, заново, и вообще, надо ли ей меня убеждать. Она открыла рот, потом закрыла.

– У вас, наверное, диплом по английскому языку, – предположила я.

Она театрально нахмурилась:

– Да ты рылась в моем прошлом!

Но я указала на рукопись, разложенную на кухонной стойке.

– Просто заметила, как вы правите текст. Прям как учительница.

– Это мой самый страшный кошмар! – простонала она. – Преподавать Мильтона в старших классах. – Она положила руку мне на плечо: – Не обижайся!

– Да ничего.

После чего она снова принялась гладить кота, и я неуверенно протянула руку, чтобы тронуть его за спину. Когда я нагнулась к коту, мой карман оттопырился, и из него на пол со стуком высыпалось несколько жареных зерен попкорна.

– Черт, – буркнула я и нагнулась за попкорном.

И тут же рядом со мной оказалась Патра – она встала на колени и стала мне помогать. Кот молнией нырнул под кушетку.

Я заметила, как Патра схватила два зерна и рассеянно сунула их себе в рот. Она поймала мой взгляд и покраснела:

– Ужасно. Да? Это просто ужасно.

На самом деле она была симпатичная, и ее улыбка очень мне нравилась.

– Да нет…

Я нарочно рассыпала несколько зерен по полу, подобрала их и съела. Когда Патра улыбалась, ее губы белели и как бы исчезали. Вблизи я заметила пушок над ее верхней губой и коричневатые веснушки, на веках сливавшиеся в пятнышки. На лбу у нее были три параллельные морщинки, которые разглаживались, но не полностью, когда она улыбалась. Она подобрала и съела еще одно взорванное зерно из тех, что я бросила на пол, а потом еще и еще, не переставая улыбаться. И вот тогда в первый раз, впервые с тех пор как мы познакомились, мне пришло в голову, что ей, наверное, очень одиноко.

5

Вот кто мне теперь чаще всего снится. Псы. Как я занемевшими пальцами пытаюсь разомкнуть защелки на их цепях. Как я разбиваю корку льда в их мисках, чтобы они могли напиться. Во сне я это делаю палкой, или обухом топора, или каблуком ботинка. Это непросто, и мне нужно действовать быстро. Во сне я всегда возвращаюсь очень поздно. Я всегда обхожу озеро уже затемно, отгибая мешающие мне ветки, и вижу, как псы жмутся друг к другу, лежа перед домом. Они кажутся какими-то слишком маленькими для взрослых собак. Скорее, забравшись в вырытые ими в снегу ямки, они похожи на крыс, или ворон, или стоящих на четвереньках детишек. Они слизали с когтей лед, но их слюна заледенела, и им приходится сгрызать ее, кусая себя до крови. Они воют от боли, им мешают цепи, обмотавшиеся вокруг их лап – ну, знаете, как это бывает во сне. А наяву, если я не прихожу домой вовремя, отец, естественно, отводит их в мастерскую и там кормит. Но в моих снах я вижу льдинки, свисающие по бокам их морд, словно клыки. Я вижу, как они, завидев меня, мчатся ко мне через лес и их любовь ненасытна. Они прыгают на меня и нежно рычат. Они счастливы видеть меня.

* * *

Именно собака нашла в калифорнийской квартире мистера Грирсона ту пачку фоток. Я прочитала об этом в «Норт-стар газетт» вскоре после того, как мистера Грирсона уволили из школы. Он сдал свою квартиру в субаренду какому-то студенту, любителю кокаина, и, как было написано в той статье, местная наркополиция незадолго до того создала подразделение служебных собак – его спонсировал богатый заводчик английских бульдогов. Все страшно гордились новой программой, которая опровергала скептически настроенных противников использования бульдогов для поисков наркотиков. Наверное, редактор отдела криминальной хроники в «Газетт» сделал не один звонок в питомник «Фертайл-холлоу» в Калифорнии, потому что в статье приводилось много цитат о бульдогах. «Мы превратно понимаем истинную природу этих собак, – утверждал богатый заводчик, – когда надеваем на их лапы ботиночки и кладем их рядом с собой в постели. Дайте им дело! Не превращайте вашего бульдога в бабушку Красной Шапочки!»

Английский бульдог по кличке Нестле-Кранч менее чем за двадцать минут нашел кило кокаина в ящике с носками того студента, а в придачу выудил из-под раковины в ванной обувную коробку, полную непристойных фотографий. Эта коробка была найдена по чистой случайности и не заинтересовала наркополицейских. В то же время ни у кого не возникло ни малейших сомнений в том, чья это коробка и что изображают эти фотки. «Дети», – говорилось в статье. Фотографии детей в толстом конверте, адресованном мистеру Адаму Грирсону, проживающему на бульваре Вест-Палм. И кто ж его знает, почему после переезда в Миннесоту он их там оставил и почему использовал свое настоящее имя. В статье как-то обтекаемо говорилось о неприличной находке и об аресте мистера Грирсона, но зато очень подробно, с сочными деталями и в восторженных выражениях, описывался триумф английского бульдога, который его разоблачил. В конце концов Нестле-Кранч из питомника «Фертайл-холлоу» был удостоен звания сержанта, золотого именного значка, недельного отпуска и целого мешка собачьих вкусняшек.

* * *

Но в той первой статье – как и в первых полицейских отчетах – ничего не говорилось ни о мистере Грирсоне, ни об ученице. Как ничего не говорилось ни о происшествии на озере Гон-Лейк, ни о поцелуе. Но слухи продолжали циркулировать.

Той весной я не сводила с Лили глаз. Однажды апрельским утром по пути в школу я заметила, как Лили вылезла из отцовского пикапа, остановившегося позади бейсбольного поля. Накануне ночью подморозило, и слой свежевыпавшего весеннего снега на время вернул на дороги слякоть и техническую соль. Когда пикап отъехал, я увидела, как Лили лизнула свою ладонь, потом нагнулась и смочила слюной испачканные дорожной солью штанины джинсов. Ее пальтишко было расстегнуто, руки без перчаток, голова без шапки, а волосы мокрые. Я пошла за ней через поле к зданию старшей школы, и мне показалось, что ее длинные темные волосы прямо на моих глазах покрываются пленкой льда. Сначала они упруго качались в такт ее шагов, а потом просто застыли. Они стали похожи на глазурь, которую можно отломить пальцами.

Войдя в здание, она не сразу пошла в класс. Уже прозвенели все звонки, и я двинулась за ней по пустым коридорам, вниз по неосвещенной лестнице, мимо запертого спортзала, мимо выставки спортивных кубков со всеми этими бронзовыми футболистами, оттянувшими носок для удара по мячу. Она шагала тихо, а я еще тише, стараясь ступать ботинками без шума, попеременно правой и левой ногой, как я обычно иду через лес. Линолеум словно впитывал звук моих шагов. А вот теннисные туфли Лили скрипели.

Она купила в автомате банку колы, постояла несколько секунд, попила и, сжав недопитую банку, засунула ее за радиатор отопления. Она зевнула так широко, что у нее появилась лишняя складка под подбородком. Для меня ее второй подбородок стал откровением: о, да Лили Холберн суждено стать толстухой! А мне-то тогда казалось, что я все про нее знаю. Я знала, что мать Лили погибла в автокатастрофе, Лили тогда было двенадцать; что каждое утро отец подвозит ее до школы на пикапе и высаживает у бейсбольного поля; что она после уроков посещает специальные занятия из-за своей дислексии. Я знала, что Ларс Солвин порвал с ней недавно, буквально за несколько дней до выпускного, и я уже знала, что она рассказывала про то, что у нее было с мистером Грирсоном. Прошлой осенью он отвез ее на Гон-Лейк, по ее словам, они поехали туда на его машине после занятий, и там он ее поцеловал. Именно это слово «поцеловал» я много раз слышала в школьных коридорах, и в этом слове было что-то особенно похабное, как будто она не могла придумать что-то более откровенное.

Сама не знаю, зачем я преследовала Лили в тот день, просто это было легко. Она шла по коридору и ерошила свои волосы, отогревая пальцами застывшие на морозце косички. Ее теннисные туфли оставляли мокрые следы на коричневом линолеуме. Я решила, что она направляется к разгрузочной платформе в задней части здания, чтобы улизнуть с уроков, но нет. Она направилась прямехонько в женскую раздевалку, зашла в кабинку туалета, пописала, вымыла руки, пальцем почистила передние зубы и потом подошла к столу забытых вещей в углу.

Я спряталась за распахнутыми дверцами пустых шкафчиков и наблюдала за ней. Про Лили поговаривали, что она глуховата. Поговаривали, что она малость тронутая, что в младенчестве ее как-то надолго оставили на холоде и ее тело застыло в развитии, не расцвело полностью. Потому что она редко когда произносила несколько слов подряд, потому что трейлер ее отца стоял на границе с индейской резервацией около дальних северных озер, и в детстве у нее было прозвище Лили-индеанка. Бедная Лили-индеанка – так называли ее одноклассницы в начальной школе и с сердобольным видом жертвовали ей

принесенные из дома шоколадные пудинги – и это при том, что, как все знали, настоящие дети из племени оджибве ходили в свою школу на озере Винесага. И все же до самой гибели ее матери ходили упорные слухи, что бабушка или прабабушка Лили жила в индейском племени, и только теперь я поняла, что Лили никогда этого и не отрицала.

В тот день в раздевалке я думала об этом, глядя, как Лили нагнулась над коробкой с забытыми вещами и рылась в куче жакетов и бюстгальтеров. Она внимательно перебирала вещи, пока не выудила из коробки пару черных сапог на каблуках, в которых, надев их, сразу стала выглядеть сильно старше. Элегантная, высокая, такая вся из себя видная. Она тогда могла взглянуть в зеркало – и сразу бы заметила меня прямо за своей спиной. Но она не взглянула. Она собрала влажные волосы в кулак и отжала из прядей последние капельки воды. Потом со вздохом скинула красивые черные сапоги и выбрала то, о чем у нее никто бы никогда не стал спрашивать, – пару больших пушистых голубых варежек, которые она зажала под мышкой. Я смотрела, как она убрала волосы под чужой берет и обернула шею чужим розовым шарфом. Прежде чем зашнуровать теннисные туфли, она сунула в карман чужой флакончик с фиолетовым лаком для ногтей.

Май! Кому теперь нужны сапоги? Сирень расцвела рано. Цветки дикой яблони усыпали ветки, как совсем еще недавно зимний снег: ветки были такие же белые, но гораздо пушистее. Когда мы проходили под яблонями, белые лепестки цеплялись за капюшон Пола. Синицы наворачивали круги в небе.

Май, а Полу, видите ли, наскучил лес. Хотя именно в это время в лесу так интересно! Лесные утки с их лоснящимися зелеными головками вернулись с зимовья. Как и бобры. Было видно, как, впившись зубами в бревнышки, они деловито плывут с ними через озеро.

– Здорово, правда? – закинула я удочку.

Пол молча дубасил палочкой по валуну. Ему хотелось покататься на качелях или с горки. Ему хотелось оказаться на детской площадке, где есть песочница и бесплатные лопаты и ведра, которые сотрудники управления парков и водоемов содержат в чистоте и порядке. Он знал, чем заняться в парках. Почти всю недолгую жизнь он провел в пригороде Чикаго, где были чистенькие тротуары и

аккуратные дворики. Золотистые ретриверы ловили в прыжке фрисби. Ему хотелось кататься на подвешенной к дереву автопокрышке, он скучал по бейсбольному полю, подстриженным лужайкам.

– Ух ты! Еще бобёр! – сказал он.

– Ух ты! – передразнила я его. И мне сразу стало неловко.

Короче говоря, однажды дождливым днем в середине мая я надела на него зеленый дождевик, усадила в креслице на велике и повезла за шесть миль в город. Когда мы ехали в горку, мне пришлось приподняться с сиденья и крутить педали стоя, а когда перевалили через хребет, велик сам помчался вниз по маслянистым лужам, разлившимся по всему асфальту. В считаные минуты мы оба вымокли до нитки. Подъехав к начальной школе, мы, ловко балансируя на камешках, дошли до игровой площадки, и я усадила Пола на пластиковое сиденье цепочных качелей.

– Ты этого хотел? – спросила я.

– Наверное, – ответил он. Мне было абсолютно непонятно, чего же ему надо. Он раскачивался взад-вперед, я стояла сзади и смотрела, как хлопает капюшон его дождевика. Мне стало грустно – грусть колола мне грудь, словно палка мокрый песок, так время и прошло…

Позднее, всякий раз, когда я видела ребенка на качелях, меня охватывало горькое чувство. Я ощущала всю безнадежность этой забавы: летишь вверх с чувством восторга, но в середине взлета останавливаешься и летишь обратно. И напрасную надежду на то, что уж в следующий раз, когда снова взлетишь вперед и вверх, никакая сила не вернет тебя обратно. И не придется начинать этот взлет снова и снова.

– Может, тебя посильнее раскачать? – спросила я.

После паузы он ответил:

– Наверное.

Уроки в школе давно закончились, и поначалу мы были на площадке одни. У меня устали руки, а дождь ослабел. Потом показалась молодая мамочка под зонтиком, с малышом в пластиковой прогулочной коляске и маленькой девочкой. Девочка на вид была старше Пола, на ней были желтые резиновые сапожки и розовый дождевичок. Увидев ее, Пол буквально просиял. Он высыпал из своей кожаной перчатки все камушки и надел ее себе на руку. Перчатка налезла по самый локоть. Ему захотелось, чтобы девочка пораскачивала его, и когда она сменила меня и обеими руками начала сильно толкать пластиковое сиденье, на лице у него возникло какое-то дурацкое выражение, сосредоточенное и мечтательное одновременно, словно он старался разглядывать девочку, не поворачивая головы. Я отправилась к скамейке – не то чтобы сгорая от ревности, но и не испытывая особой радости. Попросив девочку поиграть с ним, Пол не проронил больше ни слова. Он сидел на качелях смирно и, казалось, не замечал девочку, обхватившую его сзади за спину.

Вот когда я увидела, каким он будет в пятнадцать. Я вдруг поняла, каким Пол станет, когда вырастет. Он будет позволять какой-нибудь влюбленной в него девочке усаживать себя на детские качельки, и эта девочка будет писать ручкой на своей ладошке его имя и ждать его после школы. Он станет, не прилагая к этому никаких усилий, яркой звездой школьной постановки «Нашего городка» или вице-президентом школьного совета – ироничным, но добродушным. Он будет невыдающимся, но старательным капитаном школьной команды по бегу. На запястье у него появится загадочная татуировка в виде китайских иероглифов, которые кроме него никто не сможет прочитать, и эта татуировка будет бледной, потому что он сделает ее в дешевом тату-салоне в Беарфине. А еще, возможно, все будут звать его просто Гарднер. Ребят вроде него обычно зовут по фамилии.

– Выше! – сказал он девочке беззлобно и безразлично, словно сделал ей одолжение, позволив себя покачать. Вверху планер медленно парил над верхушками деревьев. На парковке старшеклассники в нескольких пикапах объезжали лужи, и шины визжали на поворотах. У всех пикапов были опущены стекла. Они орали:

– Марко!

– Зубки, – сказала мне молодая мамашка, когда я присела рядом с ней на мокрую скамейку.

– Угу! – кивнула я в знак согласия, выплюнув это словосочетание, словно отмытое ископаемое из древней эпохи значений. Меня успокаивала мысль, что некоторые слова вроде «Марко» или «зубки» не требуют дополнительных пояснений.

Потом молодая мамашка произнесла:

– Этот паршивец откусит мне сосок! – И теперь «зубки» получили нужный контекст и заняли свое место в списке прочих, ничего не значащих слов и банальных фраз, которыми обычно обмениваются незнакомые люди на скамейке в парке под дождем. Я вздохнула, а она продолжала: – Твой братик – просто покоритель сердец!

– Вашу дочку просто легко покорить!

Мы некоторое время молча наблюдали за детьми. Девочка в желтых сапожках стояла близко к качелям, и всякий раз, когда Пол летел назад, он врезался ей в грудь. Она, похоже, была готова упасть.

Женщина фыркнула, когда девочка пошатнулась.

– Это не моя, слава богу! В смысле, не то, что ты подумала. Она моя сестренка.

Я покосилась на нее и заметила прыщики у нее на подбородке и выщипанные брови. На плече ее кожаной куртки засохла клякса отрыжки, а в углу рта торчала палочка-леденец – и она смахивала на провинциалку из мультфильма, грызущую соломинку. Она была похожа на одну из повзрослевших сестер Карен из моего класса, и когда я поймала себя на этом сходстве, мне захотелось рассмеяться – но не потому, что это было смешно. Девчонки, которые после окончания школы оставались в Лус-Ривере, всегда выскакивали замуж в восемнадцать лет и сразу рожали, после чего поселялись в подвале у родителей или в трейлере на заднем дворе. Так случалось со всеми девчонками, которые были достаточно симпатичными, чтобы в школе стать чирлидершами, но недостаточно мозговитыми, чтобы поступить в колледж. А уж если ты не была достаточно симпатичной, то могла рассчитывать на работу в казино или в доме для престарелых в Уайтвуде.

– Сколько вашему малышу? – спросила я, стараясь казаться дружелюбной.

– Пятнадцать недель. Половина срока. После тридцатой недели я перестану его кормить. Мой парень боится моих сисек! Говорит, они его шокируют!

Я опять покосилась на нее с любопытством. Мне казалось, это же очень хорошо, что ее парень не сбежал, хотя мог бы. Если честно, это меня даже удивило. Такое редко случается в жизни – обычно симпатичные девчонки выскакивают замуж за ребят, которые потом уходят в армию или играют в юниорской хоккейной лиге. Так что, может быть, у этой псевдо-Карен был какой-то скрытый талант? Краем глаза я увидела торчащую из-под блузки грудь. Грудь была какой-то очень длинной, с похожим на прыщ соском.

– А почему бы вам не прекратить кормить уже сейчас? – рискнула спросить я.

– Я же не плохая мать! В исследованиях говорится, что материнское молоко для младенцев – самая охрененная вещь. Кроме того, – она вздернула выщипанную бровь, – мой парень рад сосредоточиться на другом месте. Он его называет «моя лучшая половина».

Я задумалась, не понимая, что это значит. И как к этому отнестись.

– Марко! – завопили старшеклассники в одном из пикапов.

– Поло! – отозвались из другого.

– И что он с ней делает? – задумчиво спросила псевдо-Карен.

Я посмотрела на игровую площадку: девочка лежала на спине, кожаная перчатка Пола рядом с ней. Она что, упала? Или ее ударили качели? Мы наблюдали, как Пол вскарабкался на нее, оседлав ее живот и уперев ладони в гравий. Похоже, что он с ней тихо разговаривал, и, хотя у меня не было причин подозревать, что он делает нечто непотребное, в его позе, в том, как он, словно хищник, навис над ней, расставив колени, ощущалось нечто угрожающее. Девочка лежала неподвижно, отвернув от нас лицо. А у Пола был такой вид, словно он собрался поцеловать ее в губы.

Но он просто говорил. Оба вроде как играли в некую странную игру.

– Есть… материя… все есть… разум, – говорил он нараспев. На секунду показалось, что он цитирует слова из книги, из сказки, протяжные слова слипались, и их было трудно расслышать. Потом он стал произносить их четче. – Нет в мире точки, где нет Бога!

– Что он говорит? – забеспокоилась псевдо-Карен. – Что там происходит?

Я не понимала. Мы встали со скамейки одновременно. Но почему-то мы обе опасались к ним приближаться. Мы видели, что дети поглощены чем-то очень личным, интимным. Чем-то тайным и важным, что исключало наше присутствие. Девочка едва слышно захныкала, но Пол навис над ней и не двигался. Светлая челка упала ему на глаза.

– Нет в мире точки, где нет Бога!

– Какого хрена! – Псевдо-Карен взглянула на меня с отвращением. – Какого хрена он несет! – Она рванулась вперед. – Я сижу себе в парке, и тут откуда ни возьмись является парочка шизанутых на Иисусе!

– Нет! – вздрогнула я.

– Трёхнутые слетаются в этот город стаями, просто как чертовы гуси!

– Погодите… – Я пошла за ней.

Я инстинктивно подобралась, заняв оборонительную позицию, а потом – так подхваченный порывом ветра лист летит над землей – меня захлестнула волна облегчения. Я уперла руки в боки. Такое было ощущение, что я все это время что-то утаивала от нее, но она все-таки в конце концов подловила меня на лжи, которую я, к собственному удивлению, умудрилась так долго скрывать. Я понятия не имела, что удумал Пол, и в тот момент мне было на это наплевать. Просто мы с Полом были такими вот шизанутыми. Просто мы с ним не собирались каждый вечер сидеть где-то в подвале перед теликом и смотреть «Улицу Сезам» и не собирались получить сотрясение мозга от удара камнем по голове, как не собирались жить такой же уныло-посредственной жизнью, о какой мечтала эта псевдо-Карен со своим бойфрендом и с их лысым младенцем. Ну и что?

Псевдо-Карен, зажав младенца под мышкой, нагнулась над девочкой, схватила ее за руку и выдернула из-под Пола. На секунду девочка оцепенела, словно не могла вздохнуть, а потом издала пронзительный тонкий вопль, как маленький ребенок, и из обеих ее ноздрей запузырились сопли. Ее лицо исказила гримаска, и она бросила на Пола взгляд, полный обожания и тоски, словно за эти десять минут знакомства она отдала ему все, что было у нее в жизни, а он взял, да-да, взял без колебаний, хотя и знал, как она этим дорожит…

Я не собиралась выяснять у Пола, что он сделал той девочке, но он сам поднял эту тему. Мы ехали на велосипеде домой, и он долгое время хранил молчание. Потому начал повторять:

– Та девочка… та девочка…

Обернувшись к нему, я спросила:

– Что?

– Та девочка…

– Пол, ты сделал ей больно! – Я сочла, что должна ему это сказать.

– Она упала!

– Ты ей не давал встать!

– Я ее исцелил!

– Перестань болтать глупости!

И тут меня осенило, что от природы дети чокнутые. Они верят в невозможные вещи, потому что им так удобно, они считают, что их фантазии – центр мироздания. Они лучшие в мире шарлатаны, если хотите знать, притворщики, которые даже не отдают себе отчета в том, что они притворяются. Вот о чем я думала, крутя педали. Из-за дождя большая зубчатка скрипела под нами, и шины монотонно шуршали.

– Перестань болтать гупости! – проговорил Пол.

От природы дети еще и попугаи.

6

По правде сказать, мы с Полом не всегда ладили. По большей части мы относились друг к другу тактично и, в общем, умели находить компромиссы. Я дарила ему полдень, когда мы заходили в закусочную и я покупала ему пирог, за что он мне любезно дарил час времени, который мы проводили на озере в каноэ. Мы садились за столик в дальнем конце закусочной, и, когда он расправлялся с едой, я оплачивала наш заказ из своих медленно растущих сбережений, выкладывая на столик одну из десятидолларовых купюр, полученных от Патры. Никаких липких четвертаков и десятицентовиков, никаких долгих посиделок в ожидании сдачи, никакой пустой болтовни с Санта-Анной, официанткой с чуть заметной бородкой.

– Почему пирог такой вкусный? – спрашивал Пол, когда мы выходили из закусочной. Сладкое его взбадривало. Он начинал приплясывать, прищелкивая пальцами и подскакивая то на одной ноге, то на другой.

– Все дело в названии, – отвечала я.

– Шоколад?

– Мусс! – удивленно возражала я.

Пол поднимал голову и разглядывал голову лося[15 - Игра слов: mousse (англ.) – мусс, moose (англ.) – лось.] над входной дверью и широко раскинутые, словно мужские объятия, рога и ноздри размером с миски.

Уговорить его на поездку на каноэ было куда сложнее. С самого утра малыш пребывал в суетливом и шумном возбуждении. Он боялся замочить ноги, залезая в лодку, поэтому я шлепала по мелководью в сапогах, держа Пола на руках, и

усаживала его на дно лодки ближе к корме. Там он чувствовал себя куда увереннее, чем на сиденье. Потом я давала ему брецели и подкладывала под попку старый спасательный жилет, на котором он восседал точно турецкий султан. Я просила его сидеть не шевелясь, пока я гребу: не раскачиваться взад-вперед, а просто смотреть вперед. В тот день озеро было спокойным, и черная вода гулко заглатывала каждое погружение весла. Пол так заскучал, что уснул под убаюкивающий плеск воды, свесив голову и скрестив руки над сиденьем. Домой я несла его на закорках – он висел у меня за спиной, обхватив мои бока ногами, как младенец. Мне пришлось вытащить каноэ на каменистый берег да так там и бросить, хотя его вполне могло унести в открытую воду, если бы поднялся ветер и начался прибой. Но у меня не было лишних рук волочь каноэ с собой.

Но даже сидя у меня на спине, он не переставал канючить – спорил со мной, отказывался идти сам.

– Хватит, Линда, хватит! – и так тысячу раз.

Словно удовольствие от прогулки на каноэ для него было пыткой. Как и подаренный мной ему чудесный день.

Я не хочу сказать, что с ним было трудно управляться. Но в нем была вот эта червоточина упрямства. Он привык четко различать порядок и хаос. Он, например, совершенно не выносил никаких нарушений привычного распорядка. Если я иногда задерживалась, приведя его обратно домой, если Патра выставляла лишнюю тарелку на стол и показывала, как из масла и лимонного сока приготовить заправку для салата, Пол становился ужасно требовательным. На протяжении ужина он настойчиво просился к Патре на колени, и к концу трапезы ему это удавалось, и он забирался к ней на колени и начинал тереться головой о ее шею. И она одной рукой отправляла вилку с салатом в рот, а другой не переставая гладила его по светловолосой головке.

Вспоминаю один такой вечер. Пол капризничал, и Патра пыталась придумать тему для разговора, не связанную с поездами и традиционным купанием в ванне. Помню, она резко отодвинула от себя плошку с салатом, уперлась подбородком в ладонь и обратила все свое внимание на меня.

– Вот что, Линда… – В тот вечер Патра была особенно беспокойная, и, когда она чуть прищурилась, в уголках ее глаз собрались нервные морщинки. – Расскажи мне. Ты ведь хочешь заниматься лошадьми или чем-то в таком роде. Стать ветеринаром, когда окончишь школу. Ведь так? Я права? Ты этим собираешься заниматься в будущем.

Вообще-то я не собиралась. Я вообще редко думала о своем будущем, но, когда задумывалась, все, что мне приходило в голову, так это пикап, белый, мчащийся по шоссе. Конечно, я не могла ей этого сказать. Не могла сказать, что мечтала стать водителем большегруза, поэтому, чтобы потянуть с ответом, я поглядела на Пола, который пытался сползти со своего высокого стула на пол. Он при этом напевал:

– Хочу быть фи-зи-ком. Хочу быть фи-зи-ком…

Но Патра просто меня поддразнивала, это я понимала. Ей было все равно, что я скажу, пока я ей подыгрывала. Ей просто хотелось чем-то заняться перед тем, как убрать со стола, перед тем, как пойти укладывать Пола в кровать. Так она себя развлекала, дожидаясь звонка мужа.

– Я могла бы стать ветеринаром, – сдалась я ей на милость. – Конечно!

– Ну уж нет! – Патра подогнула под себя ногу. – У меня для тебя есть предложение получше. Я это умею. Понимаешь, Линда, ты заслуживаешь большего – той жизни, которой ты раньше не видела, тебе надо жить в большом городе. Чтобы тебе проходу не давали. Тебе нужно стать… – Она щелкнула пальцами и улыбнулась: – Отельером! Ресторатором! – Ей самой понравилась эта идея.

– Ресто-рантором? – переспросил Пол.

Я хмыкнула, чтобы подавить смешок.

– Типа, стать официанткой? Я уже пробовала! – С этими словами я обвела рукой вокруг, как бы желая спросить: а это что тогда? – Но я бросила работу и пришла к вам.

Она вытаращила глаза, притворившись, будто шокирована.

– Ты бросила ресторанный бизнес ради того, чтобы стать няней? Нам очень трудно свыкнуться с этой мыслью, правда, Пол? Тогда придется придумать для тебя должность получше. А откуда вообще произошло слово «няня»?

Я пожала плечами.

– Жуткое слово, правда? Может, нам звать тебя сиделкой? Хотя нет, так называют старушек. Ну, тогда мы назовем тебя гувернанткой! – Она рассмеялась. – Это звучит гораздо лучше. Няню никогда не наймут для Флоры и Майлза[16 - Дети – персонажи повести американского писателя Генри Джеймса (1843–1916) «Поворот винта» (1898).]. Ты же читала «Поворот винта»? Да-да, няня не могла бы влюбиться в мистера Рочестера, правда? И стать главной героиней повести. Ты – гувернантка!

– Гувенантка! – выкрикнул Пол из-под стола. Он все ждал, когда Патра объяснит ему значение нового слова. Не дождавшись, вытащил из своей перчатки пригоршню камешков и швырнул их на пол.

– Аккуратнее! – сказала я ему. И Патре: – Не знаю. Не уверена. Мне это слово кажется каким-то слащавым. Кроме того, люди могут подумать, что вы… богачи-миллионеры. – Я с усилием подавила смех.

– Ты права, – насупилась Патра.

– Пора купаньки! – Пол тоже надулся. Он выполз из-под стола и забрался к ней на колени.

Патра позволила ему свернуться калачиком, прижавшись к ее груди, и стала ерошить его волосы. Потом потрепала его по щеке, но не сводя с меня глаз.

– Ты права, Линда. Конечно, права. Здешние люди уже считают меня снобкой. Белой вороной. – Она нахмурилась: было видно, что в голову ей пришла новая мысль. – Я все еще не чувствую себя здесь комфортно. Не могу понять, что тут и как. Странно. Я уже раз пять бывала с Полом в здешней закусочной. Мы обедали. И каждый раз я вижу там одних и тех же людей. Все смотрят на меня,

улыбаются, здороваются. Но никто ни разу не поинтересовался моей жизнью. Не спросил, как меня зовут. Вообще о чем-нибудь. Они по-своему приветливые, и все же…

– Не слишком, – закончила я.

Она отвела руку Пола от пуговок на своей блузке, и тогда он взялся за ее волосы, наворачивая светлые пряди на свои пальчики.

– Не зря ли мы тут поселились? – Она вопросительно посмотрела на меня. – Мы думали, что, пока Лео будет этой весной на Гавайях, мы с Полом поживем в новом летнем доме. Что здесь будет тихо и приятно. Что для нас с Полом это будет своего рода убежище…

– Убежище от чего?

Она неопределенно взмахнула рукой.

– Вы в бегах? – решила я ее поддразнить. – Вы ограбили банк в Иллинойсе?

– Ха-ха-ха, – невесело произнесла она. Пол тем временем принялся дергать ее за волосы – не сильно, медленно и сосредоточенно.

– Если это так, то всем все равно, почему вы тут оказались – пока вы никому не докучаете, – пошутила я. – И не занимаете, типа, лучшие места для рыбалки.

– Хм…

Я сразу пожалела, что сморозила эту глупость. Но не решилась пошутить снова.

– И если на вас не висит какой-нибудь действительно непростительный грех. Типа развода. Или атеизма. Или чего-то в этом роде.

– Мне больно, милый! – Патра разжала пальчики Пола, сильно сжавшие прядь ее волос.

– Или… или…

– Пол, прекрати! – Она наконец смахнула его со своих коленей, звонко шлепнув по попе, чтобы скрыть нотку раздражения в голосе. – Иди сложи головоломку, малыш. Попробуй-ка пазл с совой, сможешь? – И когда Пол вышел, она начала торопливо собирать посуду со стола, громко, словно нарочно, гремя чашками и тарелками. Потом вдруг снова села за стол. – Я правда не знаю, нужна ли нам такая жизнь – в тишине и спокойствии. И почему я решила, что нам тут будет хорошо? Может быть, для Пола будет лучше, если он опять начнет ходить в садик, общаться с детьми? Может, с самого начала это была ошибка – перебраться сюда?

Она поглядела на меня, и я увидела в ее взгляде то, чего никак не ожидала.

– Это было правильное решение, – уверенно произнесла я, чувствуя себя очень неуютно под ее виноватым взглядом.

Идя в тот вечер домой, я все думала про мистера Грирсона. Он приходил в закусочную один – я его там частенько видела, когда осенью стала подрабатывать официанткой. Как и Патра, он усаживался за стойку, чтобы избавить себя от необходимости вступать в пустую болтовню с посетителями. В те несколько раз, что я его обслуживала, он заказывал большую яичницу-болтушку и за едой читал толстые романы в бумажной обложке с изображением космических кораблей. Он называл меня мисс Оригинальность – памятуя о призе за оригинальность, который я получила на олимпиаде годом ранее.

– Спасибо, мисс Оригинальность! – обычно говорил он, протягивая мне белую кофейную кружку за добавкой. Я не знала, что ему на это ответить. Иногда он задавал вопросы о моих новых учителях в старшей школе, после чего опять углублялся в чтение. Обычно он просил сливок к кофе, задерживая палец на строке, к которой сразу же возвращался.

В последний раз я видела его в начале ноября, не в свою смену. Я забежала в закусочную за зарплатой, и значит, это было в пятницу около пяти вечера. По прогнозу в конце той недели обещали первую в сезоне снежную бурю, и я зашла в закусочную из продуктовой лавки мистера Коронена. Мой рюкзак был набит всякой всячиной: бутылка керосина, соль, туалетная бумага – обычные зимние

припасы. За окнами порхали снежинки, огромные и влажные, как изящно сложенные оригами. Покуда Санта-Анна регистрировала мой чек на кассе, я стряхивала снег с волос и делала вид, что не замечаю мистера Грирсона за столиком в углу. Я так и не поняла: «мисс Оригинальность» – это он говорил насмешливо или дружелюбно. Я понятия не имела, о чем говорить с ним после того, как прошла олимпиада по истории и мы перестали видеться после уроков. Помню, в закусочной в тот день не было никого – что необычно, ведь все разошлись по домам готовиться к буре. Диванчики, обтянутые потертой виниловой обивкой, зияли холодной пустотой, на фоне сплошной пелены снега за окнами под серым вечерним небом. Интересно, заметил ли мистер Грирсон, что я стою перед кассой? Вряд ли. Он располовинил свою порцию ножом и вилкой и отложил часть яичницы на пустую тарелку, и только после того, как я со своим чеком вышла из закусочной, мне пришло в голову, что, может быть, кто-то сидел напротив него за столиком, спиной ко мне, а я не заметила. И уже потом, шагая через лес домой от Патры тем теплым майским вечером, когда она впервые назвала меня «гувернанткой», я подумала, уж не Лили ли была с ним в закусочной.

Иногда Лео – муж – звонил после ужина. Мы все вздрагивали, когда сотовый Патры заливался рингтоном с мелодией из «Звездных войн». В такие моменты она торопливо отъезжала на стуле назад, одними губами произносила мне: «Спасибо!» – и направлялась с телефоном на веранду-палубу. «Спасибо!» означало, что она просит меня уложить Пола в постель. Что я и делала, без особой охоты – сначала отводила его в ванную, где умоляла почистить зубы перед сном и угрожала страшными карами, если он не будет лежать смирно под одеялом.

– Ты должна досчитать до ста! – вопил он, когда я на цыпочках направлялась к двери.

– А ты должен спать без задних ног! – парировала я и, вернувшись, прижимала его голову к подушке.

– Ты должна быть со мной ласковой! – И он извивался под моими руками.

– А ты должен быть хорошим мальчиком, – шептала я. – Ты должен быть милым и послушным. Ты должен быть таким, каким ты никогда не бываешь!

* * *

Однажды, когда дисплей телефона Патры вспыхнул и зазвучала мелодия из «Звездных войн», она как раз заканчивала купать Пола. Патра выскочила из ванной, чтобы ответить на звонок: с ее плеча свисала простыня, а за спиной маячил голенький Пол. Он начал носиться по дому, повсюду оставляя мокрые следы и распугивая котов, потом забрался на кушетку, потом полез под стол. Должно быть, я схватила его за руку сильнее, чем надо, потому что он заплакал от боли так, словно я пырнула его ножом. И когда я притянула его к себе, он развернулся и со всего размаха царапнул меня ногтями по лицу. Я ощутила, что саднящая красная царапина рассекла мне кожу от уха до глаза. Я поискала взглядом Патру, но она уже уединилась с телефоном на веранде. И в этот момент мое отношение к этому мальчику разом изменилось, так сказать, сменило курс: я рывком подняла Пола – извивающегося, голенького, размахивающего ручонками – и потащила в постель. Я шмякнула его на кровать, точно вязанку дров. Он смотрел на меня жалким, испуганным взглядом, и я увидела, как из его голой промежности побежала струйка прямо на простыню. Он не мог вздохнуть: из глотки у него вырывалось сдавленное клокотание, а в широко раскрытых глазах застыло изумление.

– Это тебе наука! – Я вообразила себя своим отцом. Так он мне говорил, когда я три мили волокла каноэ по прибрежной грязи. Я вообразила себя одновременно отцом и ребенком, которого заставили волочь каноэ, а он плакал от отчаяния, боли и усталости.

– Молчи! – крикнул Пол.

– Хочешь, чтобы я замолчала? – Я все еще чувствовала, как горит длинная царапина, оставленная на моей щеке его ногтями, и как на моей фланелевой рубашке отпечатался мокрым пятном абрис его тельца. – Ты хочешь, чтобы я замолчала?

Его личико покрылось белыми и красными пятнами.

– Я идеальное дитя Бога! – пропел он.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Мэри Бейкер Эдди (1821–1910) – американская писательница, общественный и религиозный деятель, в 1875 г. основала религиозное движение «Христианская наука».

2

Тимоти Доннелли (род. в 1969 г.) – американский поэт и публицист.

3

Черная борода была у Александра III, а не у Николая II. – Здесь и далее прим. переводчика.

4

Судак – официальный символ штата Миннесота.

5

К бою! (франц.)

6

Уильям Льюис (1774–1809) и Мериуэзер Кларк (1770–1838) – американские путешественники, прославившиеся первой экспедицией к тихоокеанскому побережью в 1804–1806 гг.

7

Крупнотоннажный сухогруз «Эдмунд Фицджеральд» затонул во время шторма 10 ноября 1975 года на озере Верхнее.

8

«Рождество Чарли Брауна» – популярный мультипликационный сериал середины 1960-х годов про мальчика Чарли Брауна, который грустит при виде алюминиевой елки, купленной в канун Рождества вместо настоящей.

9

Среднее образование в США состоит из трех ступеней: начальная школа, средняя школа и старшая средняя школа (где учатся подростки 15–18 лет).

10

Так называют Миннеаполис, крупнейший город штата Миннесота, и столицу штата Сент-Пол, расположенные напротив друг друга на разных берегах Миссисипи.

11

По Фаренгейту: +10 °C.

12

Главный персонаж серии мультфильмов.

13

Популярная рождественская песенка про щедрого короля Богемии Вацлава Первого.

14

Выведенная в США порода лошадей необычной пятнистой масти.

15

Игра слов: mousse (англ.) – мусс, moose (англ.) – лось.

16

Дети – персонажи повести американского писателя Генри Джеймса (1843–1916) «Поворот винта» (1898).

Купить: https://tellnovel.com/ru/fridlund_emili/istoriya-volkov

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить